

ДЕТЕКТИВ 2.0: МИРОВОЙ УРОВЕНЬ

АНЖЕЛА МАРСОНС

Злые
Игры

Детектив 2.0: мировой уровень

Анжела Марсонс

Злые игры

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марсонс А.

Злые игры / А. Марсонс — «Эксмо», 2015 — (Детектив
2.0: мировой уровень)

ISBN 978-5-699-92086-0

Романы Анжелы Марсонс стали безусловными международными бестселлерами, уступившими по продажам только «Девушке в поезде» Полы Хокинс. Инспектор полиции Ким Стоун расследует дело об убийстве бывшего насильника, давно отсидевшего свое и вышедшего на свободу за примерное поведение. Его подкараулила на улице и зарезала женщина, над которой он когда-то надругался. Ким знает эту женщину, и ей очень странно, что такая надломленная, бесхарактерная личность могла пойти на убийство. Инспектор узнает, что до последнего времени жертва насилия ходила на сеансы к психиатру доктору Алекс Торн. При этом выясняется, что несколько других людей, неожиданно совершивших тяжкие преступления, также посещали эти сеансы. Не играет ли доктор Торн в злые игры?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92086-0

© Марсонс А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Благодарности	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	40
Глава 12	46
Глава 13	48
Глава 14	50
Глава 15	54
Глава 16	55
Глава 17	59
Глава 18	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Анжела Марсонс

Злые игры

Angela Marsons
Evil Games

© Angela Marsons, 2015

© Перевод на русский язык. А. С. Петухов, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

* * *

*Эта книга посвящается моей бабушке Уинифрид Уолфорд,
моему лучшему другу, с которой мне так и не удалось наговориться
вслась*

Благодарности

Я начала писать этот роман с намерением раскрыть природу настоящего социопата. В процессе написания я несколько раз чуть не наградила Александру Торн ахиллесовой пятой или какой-то слабостью, которая давала бы возможность надеяться на ее исправление. Однако в конце концов я решила придерживаться фактов: как это ни кажется неприятным и настораживающим, но среди нас есть люди, у которых напрочь отсутствует способность к раскаянию и которые не испытывают угрызений совести. На наше счастье, среди нас живут такие люди, как Ким Стоун, которые смело встают у них на пути.

В написании романа мне особенно помогли две книги: *«Ваш сосед социопат»* Марты Стаут и *«Без совести»* доктора Роберта Д. Хэйра.

Как всегда, я хотела бы поблагодарить команду «Букотур» за то, что они разделяют мою увлеченность Ким и ее историями. Их энтузиазм, вера и поддержка были всеобъемлющими и вдохновляющими. Моя благодарность Оливеру, Клэр и Ким бесконечна, и я считаю для себя честью носить гордое имя писателя издательства «Букотур».

Благодарности моей маме, которая прикрепила копию моей книги к ветровому стеклу своего автомобиля, и папе, который гуляет, не выпуская из рук подаренный ему экземпляр. Их энтузиазм и поддержка просто восхитительны.

Мои благодарности всем блогерам, которые не только прочитали мои книги и прислали свои обзоры, но и приняли приключения Ким Стоун близко к сердцу. Их любовь к книгам и поддержка сильно вдохновляют меня.

Особые благодарности членам моего книжного клуба: Полин Холлис, Мерл Робертс, Дее Вестон, Джо Томсон, Сильвии Кэдбай и Линетт Уэллс.

И, наконец, мне никогда не хватит слов, чтобы выразить мою благодарность моему партнеру Джулии. Каждая моя книга – это памятник ее неизменной вере в меня. Она была моим светочем в мрачные дни и не позволяет мне останавливаться. Она воистину мой мир.

Глава 1

Черная Страна¹

Март 2015 г.

Три минуты до старта.

Это была самая крупная облава в истории их участка. Ее готовили несколько месяцев. Сотрудники социальной службы находились на противоположной стороне дороги в ожидании сигнала. Уже сегодня две маленькие девочки будут спать в другом месте.

Две минуты.

– Все на местах? – Она нажала на кнопку рации.

– Ждем вашей команды, шеф, – ответил Хокинс. Он со своей командой расположился за две улицы от дома, наблюдая за тылом здания.

– Готовы, командир, – отрапортовал Хэммонд из машины, стоявшей сзади.

Он отвечал за «ключ-вездеход», который обеспечит им быстрое и беспрепятственное проникновение в дом.

Одна минута.

Рука Ким Стоун сжала ручку автомобильной двери. Ее мускулы напряглись; поток адреналина, вызванный предчувствием возможной опасности, поступил в кровь. Казалось, ее тело стояло перед выбором – дерись или беги. Как будто «беги» было для нее возможным вариантом.

Она обернулась и посмотрела на Брайанта, своего партнера, у которого в руках была наиболее важная вещь – ордер на обыск и арест.

– Брайант, готов?

В ответ тот только кивнул.

Ким наблюдала, как секундная стрелка коснулась цифры «двенадцать».

– Пошли, вперед, вперед! – крикнула она в микрофон передатчика.

Восемь пар ботинок прогремели по тротуару и остановились у входной двери. Ким была у нее первой. Она отошла в сторону, когда Хэммонд замахнулся кувалдой. Дешевая деревянная дверная коробка разлетелась под ударом трех тонн кинетической энергии.

Как было сказано на брифинге, Брайант и констебль бросились по лестнице к хозяйской спальне, чтобы предъявить ордер.

– Браун, Грифф – гостиная и кухня. Если надо, разнесите все по камешкам! Доусон, Рудж, Хэммонд – за мной.

Дом немедленно заполнился звуками хлопающих дверей и выдвигаемых ящиков.

Половицы у нее над головой заскрипели, раздался истеричный крик женщины. Ким не обратила на это никакого внимания и дала сигнал двум социальным работникам войти в помещение.

Сама она остановилась у двери в подвал. На двери был висячий замок.

– Хэммонд, ножницы! – крикнула Ким.

У нее за спиной материализовался офицер и профессионально перекусил дужку замка. Затем прошел первым и стал шарить по стене в поисках выключателя.

Поток света из холла освещал каменные ступени. Помещение заполнил влажный воздух, воняющий застарелым табачным дымом.

¹ Территория в Западном Мидленде к северу и западу от Бирмингема; во времена индустриальной революции считалась наиболее развитой в индустриальном плане частью Англии.

Хэммонд прошел в угол комнаты, где был закреплен точечный светильник, и включил его. Луч был нацелен точно на квадратный гимнастический мат, который занимал весь центр комнаты. Рядом с ним стояла тренога.

В противоположном конце комнаты возвышался платяной шкаф. Ким открыла створки и обнаружила в нем несколько наборов одежды, включая школьную форму и несколько пляжных костюмов. На полу шкафа валялись игрушки – резиновый обруч, пляжный мяч, куклы.

– Рудж, сфотографируйте все это, – распорядилась Ким.

Хэммонд в поисках возможных тайников простукивал стены.

В самом дальнем углу, в алькове, располагался письменный стол со стоящим на нем компьютером. Над столом висели три полки. На самой верхней стояли журналы. Они были тонкими, так что на корешках ничего нельзя было прочесть, но Ким и без этого знала, что там такое. На средней полке стоял целый набор цифровых камер, мини-дисков и приспособлений для их очистки. На самой нижней Ким насчитала семнадцать DVD-дисков.

Доусон взял первый, озаглавленный *«Дейзи на пляже»*, и вставил его в дисковод. Мощная машина мгновенно ожила.

На экране появилась восьмилетняя Дейзи в желтом купальном костюме. Ее тоненькую талию обхватывал резиновый обруч. Тонкими руками она обнимала себя за плечи, но даже этим не могла остановить дрожь.

От эмоций у Ким перехватило горло. Она хотела отвести глаза, но не могла. Про себя попыталась притвориться, что может помешать происходящему, но это было глупостью, потому что все это уже произошло...

– И что... что теперь, папочка? – Голос Дейзи, задавшей вопрос, дрожал.

Вся деятельность в подвале прекратилась. Все замерло. Ни один из четырех прошедших огонь и воду офицеров полиции не мог произнести ни звука – их всех парализовал тоненький голосок девочки.

– А теперь мы поиграем в одну игру, милая, – ответил папочка, появляясь перед камерой.

Ким сглотнула и прервала молчание.

– Выключи это, Доусон, – прохрипела она. Все они знали, что должно было произойти дальше.

– Мерзавец, – сказал Доусон, дрожащими пальцами вынимая диск.

Хэммонд стоял, уставившись невидящими глазами в угол, а Рудж медленно протирал объектив своей камеры.

– Ребята, мы заставим этот кусок дерьма заплатить за все, что он сделал, – Ким смогла наконец взять себя в руки. – Я вам это обещаю.

Доусон достал бумаги и приготовился переписать и зарегистрировать все улики. Ему предстояла долгая ночь.

Тут Стоун услышала суматоху в холле. Раздался истерический женский крик.

– Командир, вы можете подняться к нам? – позвал ее Грифф.

Ким последний раз оглянулась вокруг.

– Разнесите здесь все к едрёной матери, парни!.. Ну, что здесь у вас? – спросила она у офицера, который ждал ее у входа в подвал.

– Жена требует объяснений.

Ким прошла к входной двери, возле которой стояла женщина лет сорока пяти, плотно запахнувшая халат на своей костлявой фигуре. Социальные работники усаживали дрожащих девочек в «Фиат Панда».

Почувствовав присутствие Ким у себя за спиной, Венди Данн повернулась. На абсолютно бледном лице ее глаза выглядели красными лампочками.

– Куда они забирают моих детей?

– Подальше от вашего мужа-извращенца. – Ким с трудом сдержалась, чтобы не заехать ей по физиономии.

Женщина сжала воротник халата. Голова ее судорожно моталась из стороны в сторону.

– Я ничего не знаю. Клянусь вам, я ничего не знаю! Верните мне моих детей. Я ничего не знала!

– Да неужели? – Ким склонила голову набок. – Жены редко верят в такое, пока не убедятся собственными глазами. А вы ведь до сих пор так ничего и не видели, не так ли, миссис Данн?

Глаза женщины шарили по комнате, избегая взгляда Ким.

– Клянусь вам, я ничего не знала!

Когда Стоун наклонилась к ней поближе, перед глазами у нее стоял образ Дейзи.

– Вы – лживая сука. Вы их мать – и позволили навсегда уничтожить их. Надеюсь, что вы будете мучиться до конца вашей несчастной и никчемной жизни.

– Шеф, – за спиной прозвучал голос Брайанта.

Ким оторвала взгляд от трясущейся женщины и обернулась.

Через плечо Брайанта она взглянула прямо в глаза мужчине, который был ответственным за то, что эти две девочки уже никогда не смогут смотреть на мир детскими глазами. Все вокруг исчезло из поля ее зрения, и на какое-то мгновение они остались с ним один на один.

Тяжелым взглядом Ким осмотрела дряблую кожу, которая свисала с его щек, напоминавшая растаявший воск. Дышал он быстро и с трудом – его тело весом в добрые сорок стоунов² быстро уставало от любого движения.

– Вы не имеете права, черт вас побери, врывать и делать то... Какого черта вам здесь нужно?!

Ким подошла ближе. Все ее существо содрогнулось, когда расстояние между ними уменьшилось.

– Ордер позволяет мне делать это.

– Убирайтесь, – покачал он головой, – из моего дома... прежде чем я... позвоню своему адвокату.

– Леонард Данн, – официальным голосом произнесла Ким Стоун, доставая наручники, – я арестовываю вас по подозрению в сексуальном посягательстве на лицо, не достигшее тринадцати лет, путем совершения акта сексуального проникновения; в половом сношении с таковым лицом и принуждении лица, не достигшего возраста согласия, к действиям сексуального характера, – она впиалась глазами в его лицо и увидела в его глазах панику.

Ким раскрыла наручники, и Брайант поднял кисти мужчины.

– Вы можете хранить молчание, однако оно может быть впоследствии использовано против вас в суде. Все, что вы скажете, может быть использовано в качестве улики!

Ким защелкнула наручники, стараясь не дотронуться до волосатой белой кожи. Затем оттолкнула от себя руки Данна и повернулась к своему напарнику.

– Брайант, убери этого вонючего извращенца с глаз моих, пока я не сделала ничего такого, о чем мы впоследствии пожалеем.

² Старинная английская мера веса. 1 стоун равен 6,35 кг.

Глава 2

Ким почувствовала запах жидкости после бритья еще до того, как мужчина появился у нее перед глазами.

– Отвали, Брайант, меня нет дома.

Шестифутовый³ мужчина проскользнул под наполовину поднятыми воротами гаража.

Ким убавила громкость на своем «Айпode», приглушив серебряные звуки «Зимнего концерта» Вивальди. Схватив кусок ветоши, вытерла руки и, вытянувшись во всю высоту своих пяти футов и девяти дюймов⁴, повернулась к вошедшему лицом. Бессознательно провела правой рукой по гриве коротких черных волос. Брайант хорошо знал, что означает этот жест: Ким приготовилась к схватке. Другой рукой она уперлась себе в бедро.

– Чего тебе надо?

Он аккуратно обошел кучу запчастей к мотоциклу, которые покрывали почти весь пол.

– Боже, и во что же это со временем превратится?

Ким проследила за его взглядом. Для Брайанта все это было похоже на часть свалки. Для Стоун же это было забытым сокровищем. Ей потребовался почти год, чтобы собрать воедино все эти запчасти, и сейчас у нее руки горели от нетерпения.

– В «Би-Эс-Эй Голдстар»⁵ пятьдесят четвертого года выпуска.

– Придется поверить тебе на слово, – Брайант приподнял правую бровь.

Она молча посмотрела ему прямо в глаза. Детектив-сержант зашел к ней по совсем другой причине, и они оба это знали.

– Вчера тебя не было, – заметил Брайант, поднимая с пола выпускной коллектор.

– Пятерка за наблюдательность, Шерлок. Стоит подумать о том, чтобы податься в детективы.

Брайант улыбнулся, но потом его лицо стало серьезным.

– Мы все праздновали, командир.

Ким прищурила глаза. Здесь, в своем доме, она не была детективом-инспектором, а он не был детективом-сержантом. Она была Ким, а он – Брайант, ее партнер по работе и человек, которого она могла бы назвать своим другом.

– Да-да, и не смотри на меня так. А где ты была? – Его голос смягчился. Вопреки ожиданиям Брайант ни в чем ее не обвинял.

Ким взяла у него из рук коллектор и положила изогнутую трубку на верстак.

– Мне нечего было праздновать.

– Но ведь мы взяли его, Ким.

Сейчас он говорил с ней как друг.

– Да, но не ее, – Стоун протянула руку за плоскогубцами. Какой-то идиот прикрепил коллектор к раме винтом, который был велик на целую четверть дюйма.

– Чтобы обвинить ее, у нас слишком мало улик. Она утверждает, что ничего не знает, и следователи ничего не могут ей предъявить!

– Тогда эти следователи должны наконец оторвать задницы от своих стульев и поискать получше! – Она зажала плоскогубцами головку винта и стала осторожно его поворачивать.

– Ким, мы сделали всё, что было в наших силах.

³ Около 185 см.

⁴ Около 172 см.

⁵ BSA Goldstar – мотоцикл, выпускавшийся в период 1938–1960 гг. Собирался вручную. Оснащенный четырехтактным двигателем объемом 500 куб. см считался одним из самых быстрых в 50-е гг.

– Значит, не всё, Брайант! Эта женщина – мать девочек. Она родила этих двух малышей, а потом позволила их собственному отцу использовать их так, что это просто невозможно себе вообразить. Эти дети никогда больше не будут жить нормальной жизнью!

– Это все из-за него.

– Он – больной извращенец, – Стоун впиалась в мужчину глазами. – А чем ты объяснишь ее поведение?

– Она утверждает, что не видела никаких следов, – пожал плечами Брайант.

– Следы всегда остаются. – Ким отвернулась.

Она осторожно пользовалась плоскогубцами, стараясь освободить винт так, чтобы как можно меньше повредить коллектор.

– Ее ничем не проймешь. Она твердо стоит на своем.

– Ты хочешь убедить меня в том, что она ни разу не поинтересовалась, почему была заперта дверь в подвал? Или что она ни разу, ни одного-единственного раза не пришла домой раньше, чем положено, и не почувствовала, что в доме что-то не так?!

– Но доказать это мы не можем. Хотя и сделали всё, что в наших силах.

– К сожалению, не всё, Брайант, далеко не все. Эта женщина была их матерью. Она была обязана их защищать!

Ким решила нажать посильнее и повернула плоскогубцы против часовой стрелки. Винт провалился в коллектор.

– Черт возьми, мне понадобилось четыре месяца, чтобы найти этот чертов кусок трубы! – Стоун швырнула плоскогубцы в стену.

– Но ведь это далеко не первая вещь, которую ты ломаешь в своей жизни, правда, Ким? – покачал головой Брайант.

Несмотря на то что она сильно разозлилась, на губах женщины появилось подобие улыбки.

– И уверена, что не последняя. – Она тоже покачала головой. – Передай мне эти плоскогубцы...

– Неплохо было бы добавить «пожалуйста». Или ваши родители совсем не учили вас приличным манерам, милая леди?

На это Стоун ничего не ответила. Семь пар приемных родителей много чему ее научили – и не только хорошему.

– Должен сказать, что ребятам понравилась бутылочка, которую ты оставила для нас в баре.

Ким со вздохом кивнула. Ее ребята действительно заслужили этот праздник. Все они много работали, расследуя это преступление. Теперь Леонард Данн очень долго будет смотреть на небо сквозь крупную клетку.

– Если ты собираешься сидеть тут, то сделай хоть что-то полезное и налей нам кофе... Пожалуйста!

Качая головой, Брайант прошел в дверь, ведущую на кухню.

– А чайник у тебя на плите?

Стоун не стала отвечать. Если она дома, то, значит, и чайник на плите.

Пока Брайант возился на кухне, Ким в который уже раз удивилась тому, что он не испытывает никакой враждебности по отношению к ней за то, что она продвигается по служебной лестнице значительно быстрее его. В свои сорок шесть Брайант, казалось, совсем не возражал против того, чтобы им командовала женщина на двенадцать лет моложе его.

Сержант протянул ей кружку и откинулся на спинку скамейки.

– Вижу, ты опять что-то готовила?

– Попробовал?

– Да нет, – захохотал он в ответ. – Хотелось бы пожить подольше, поэтому я никогда не ем то, чему не могу найти названия. Они сильно смахивают на афганские противопехотные мины.

– Это бисквиты.

– Почему ты этим занимаешься?

– Потому что я паршивый повар.

– А, ну да, конечно. И тебя опять что-то отвлекло. То ли хром, который надо отполировать, то ли винт, который надо...

– Тебе что, действительно нечем заняться в это субботнее утро?

– Не-а, – покачал головой Брайант. – Мои девушки отправились на маникюр. Так что мне действительно нечем заняться, кроме как довести тебя до белого каления.

– Хорошо, это я поняла, но можно один вопрос личного характера?

– Послушай, я счастливо женат, ты мой босс, так что отвечаю сразу – нет!

– Слава богу, – простонала Ким. – Хотя меня интересовало другое – почему ты никак не найдешь в себе мужество сказать своей женушке, что не хочешь, чтобы от тебя несло как от неоперившихся юнцов.

– Не могу. Я не говорю с ней уже три недели, – ответил Брайант, глядя себе под ноги.

– Это еще почему? – сразу же насторожилась Стоун.

Мужчина поднял глаза и широко улыбнулся:

– Потому что не имею привычки прерывать собеседника.

– Ну хорошо. Заканчивай свой кофе и проваливай, – деловито кивнула Ким, глядя на часы.

– Всегда восхищался твоей утонченностью, Ким, – заметил Брайант, допивая кофе и направляясь к двери гаража. Здесь он обернулся. По лицу сержанта было видно, что он о ней беспокоится.

Стоун что-то проворчала ему вслед.

Когда машина Брайанта отъехала, Ким глубоко вздохнула. Ведь расследование действительно закончено. Но от того факта, что Венди Данн добровольно позволила подвергать своих дочерей сексуальному насилию, у Ким сводило челюсти. И понимание того, что двух малышей вернут матери, вызывало у нее рвотные ощущения. То, что они вновь окажутся под опекой именно того человека, который был обязан их защищать, не давало ей покоя.

Стоун бросила ветошь на скамейку и опустила ворота. Пора навестить семью.

Глава 3

Ким положила белые розы перед камнем, на котором было написано имя ее брата-близнеца. Бутон самого длинного цветка оказался как раз под датами, которые отмечали годы его жизни. Шесть коротких лет.

Цветочный магазин был заполнен корзинами с нарциссами: эти цветы всегда символизировали День матери⁶. Ким ненавидела нарциссы и сам этот праздник, но больше всего она ненавидела свою собственную мать. Какие цветы больше всего подойдут для этой отвратительной суки-убийцы?

Она стояла выпрямившись, глядя на только что скошенную траву. В такой момент трудно было не вспомнить хрупкое, истощенное тельце, которое не без труда вынули у нее из рук двадцать восемь лет назад.

Она жаждала увидеть его милое, доверчивое личико, полное невинной радости и смеха, полное детской непосредственности. Но этого ей никогда не удавалось.

Независимо от того, сколько прошло лет, ярость не покидала ее. Стоун постоянно мучило то, что каждый день его короткой жизни был полон мучений и страхов.

Ким разжала правый кулак и погладила холодную мраморную глыбу – как будто гладила его короткие черные волосы, так похожие на ее собственные. Она отчаянно хотела рассказать ему, как она жалеет – о том, что не смогла его защитить, и о том, что не смогла сохранить ему жизнь.

– Мики, я люблю тебя и все время скучаю по тебе. – Женщина поцеловала кончики своих пальцев и дотронулась ими до камня. – Спи крепко, мой маленький ангел.

Взглянув на могилу в последний раз, Стоун повернулась и ушла.

«Кавасаки Ниндзя» ждал ее у дверей кладбища. Обычно мотоцикл с объемом двигателя в 600 «кубиков» был просто транспортным средством, на котором она переезжала с места на место. Но сегодня он будет ее спасением.

Надев шлем, Ким отъехала от обочины. Сегодня ей просто необходимо убежать от реальности. Стоун проехала через Олд-Хилл и Крэдли-Хит, населенные пункты в Черной Стране, которые когда-то по субботам были полны покупателей. Люди приезжали в магазины и на рынок, а потом расходились по многочисленным кафе, чтобы отдохнуть и обсудить события минувшей недели. Но сейчас магазины брендовых товаров переехали в загородные торговые центры и увели за собой покупателей и жизнерадостный шум, который всегда их сопровождал.

По уровню безработицы Черная Страна занимала в Великобритании третье место – и так и не смогла оправиться от упадка металлургической и угледобывающей промышленности, которая процветала здесь в Викторианскую эпоху. Литейные и металлургические заводы были уничтожены, а на их месте возведены торговые моллы и жилые кварталы.

Но сегодня Ким не собиралась на экскурсию по Черной Стране. Сегодня она хотела полностью отдаться скорости.

Стоун выехала из Сторбриджа в сторону Стортон по направлению к прямому восемнадцатимильному отрезку шоссе, который вел к живописному городку Бриджнорт. Хотя и прибрежные магазины, и кафе ее не интересовали. Сегодня ее интересовала только скорость.

Миновав черно-белый знак, Ким прибавила газу. Ожидаемый выброс адреналина произошел в тот момент, когда под ней ожил мощный мотор. Наклонившись вперед, она грудью легла на бензобак.

⁶ В Великобритании празднуется в последнее воскресенье марта.

Освобожденная мощь двигателя заставляла дрожать каждую клеточку ее тела. Ким чувствовала, как он рычит и рвется вперед, готовый в любую минуту взорваться. В такие моменты ей этого даже хотелось. «Ну, давай же, давай, – думала она, едва не касаясь коленом поверхности шоссе в неожиданно крутом повороте. – Я жду, сукин ты сын, я жду!»

Время от времени Ким любила подразнить судьбу. Так она подгоняла Фатум, который покинул ее в тот момент, когда она не умерла рядом со своим братом.

И в один прекрасный день он действительно до нее доберется. Вопрос только когда.

Глава 4

Доктор Александра Торн в третий раз прошла по периметру своей приемной – так она поступала всегда перед встречей с важным пациентом. Насколько знала Алекс, первый пациент, который должен был посетить ее в этот день, не достиг ничего выдающегося за двадцать четыре года своего существования. Руфь Уиллис не спасла ничью жизнь. Она не открыла лекарство от всех болезней и даже не была каким-то выдающимся тружеником. Нет, важным пациентом Руфь была только с точки зрения самой Алекс. Правда, сама она об этом, к счастью, даже и не подозревала.

Продолжая внимательно осматривать комнату, Алекс опустилась в кресло, предназначенное для посетителей, – на то была особая причина. Само кресло было обтянуто искусно выдубленной итальянской кожей, которая мягко ласкала ее спину и обеспечивала теплоту и комфорт.

Кресло было повернуто в сторону от окна и позволяло посетителю любоваться сертификатами и дипломами, покрывавшими всю стену за копией письменного стола эпохи Регентства⁷. На крышке стола стояла фотография, слегка повернутая таким образом, чтобы пациент мог видеть интересного мужчину с атлетической фигурой и двух мальчиков, которые улыбались прямо в камеру. Жизнеутверждающая фотография красивого семейства.

Но для предстоящей встречи особую роль играл нож для открывания писем с деревянной ручкой и длинным узким лезвием, который изящно лежал на краю стола.

Звук дверного звонка заставил Алекс вздрогнуть от нетерпения. Отлично, Руфь не опоздала.

На мгновение Алекс остановилась, чтобы осмотреть себя низу доверху. Трехдюймовые каблукы увеличивали ее естественный рост в пять футов и шесть дюймов⁸. Синие брюки, сшитые на заказ, поддерживались широким кожаным поясом и скрывали ее длинные, изящные ноги. Свободная шелковая блузка усиливала впечатление утонченной элегантности. Золотисто-каштановые волосы, слегка завивающиеся на концах, были подстрижены в гладкий аккуратный боб⁹. Алекс достала из ящика очки и надела их, чтобы завершить преобразование. Видела она прекрасно, но очки были необходимы ей для образа.

– Доброе утро, Руфь, – произнесла она, распахивая дверь.

Вошедшая Руфь была живым воплощением серого невзрачного дня за окнами. Безжизненное лицо, сутулые и опущенные плечи.

– Как ваши дела?

– Не слишком хорошо, – ответила Руфь, усаживаясь.

– Вы опять его видели? – Алекс замерла возле кофеварки.

Девушка отрицательно покачала головой, но Алекс сразу же поняла, что она врет.

– Вы что, опять возвращались туда?

Руфь с виноватым видом отвернулась, не понимая, что именно этого-то Алекс от нее и ждала.

Руфь было девятнадцать, и она была подающей надежды студенткой юридического факультета, когда ее жестоко изнасиловали, избили и бросили умирать в двухстах ярдах от ее дома.

⁷ Период в истории Англии с 1811 по 1820 г. Отличается особым стилем в искусстве, который характеризуется утонченной элегантностью. Время появления первых денди.

⁸ Около 165 см.

⁹ Короткая круглая женская прическа.

Отпечатки пальцев на сорванном с нее кожаном рюкзаке позволили определить насильника – им оказался тридцативосьмилетний Алан Харрис, привлекавшийся за мелкую кражу в возрасте двадцати лет.

Руфи пришлось пройти через тяжелый суд, который приговорил преступника к двенадцати годам тюрьмы. Девушка изо всех сил пыталась заново склеить свою жизнь, но происшедшее полностью изменило ее личность. Руфь стала нелюдистой, бросила университет и прекратила все отношения с друзьями. Более поздние встречи с психологами не смогли вернуть ее хоть к какому-то подобию нормы. Жила она на автопилоте. Но даже эта хрупкая жизнь была полностью разрушена три месяца назад, когда, проходя мимо паба на Торнсроуд, она увидела своего обидчика, выходящего оттуда с собакой на поводке.

Несколько телефонных звонков подтвердили, что Алана Харриса выпустили за образцовое поведение, когда он не отсидел и половины положенного ему срока. Эти новости привели девушку к попытке самоубийства, после чего суд назначил ей лечение у Алекс.

Во время их предыдущей встречи Руфь призналась, что ежевечерне поджидает насильника в кустах возле паба.

– Если вы помните, во время нашей последней встречи я рекомендовала вам больше туда не ходить. – Это не было ложью. Алекс действительно порекомендовала ей не ходить больше туда, но рекомендация могла бы быть и жесточе.

– Знаю, но... мне надо видеть...

– Что «но», Руфь? – Алекс постаралась, чтобы ее голос звучал помягче. – Что вы надеетесь там увидеть?

– Я хочу знать, почему он сделал то, что сделал, – ответила Руфь, отрывая руку от стула. – Хочу увидеть, сожалеет ли он об этом, испытывает ли он чувство вины за то, что разрушил мою жизнь. За то, что уничтожил меня...

Алекс с симпатией кивнула ей, но не стала на этом задерживаться. У них было мало времени, а сделать предстояло очень много.

– Вы помните, о чем мы говорили на нашей последней встрече?

На измученном лице Руфи появилось возбуждение. Она кивнула.

– Я знаю, что для вас это будет очень тяжело, но это необходимая часть процесса выздоровления. Вы мне верите?

Безо всяких колебаний Руфь еще раз утвердительно кивнула.

– Отлично. Я все время буду рядом, – улыбнулась Алекс. – Расскажите мне все с самого начала. Все, что произошло в ту ночь.

Глубоко вздохнув несколько раз, девушка уставилась на стол в углу комнаты. Отлично.

– Это случилось в пятницу, семнадцатого февраля. Я была на двух лекциях, и у меня еще оставалась куча дел. Несколько моих друзей собирались в бар в Сторбридже, чтобы что-то такое отметить. Знаете, как это бывает у студентов... Мы зашли в небольшой паб в центре города. Когда все закончилось, я извинилась и собралась домой, потому что не хотела страдать от похмелья. На свой автобус я опоздала минут на пять. Попыталась поймать такси, но был самый разгар вечера пятницы. Ждать надо было минут двадцать, а идти до Лая мили полторы, так что я отправилась пешком.

Руфь замолчала и отпила глоток кофе из чашки, которую держала в дрожащей руке. Алекс подумала, сколько же раз за все эти годы эта девушка успела пожалеть, что не дождалась тогда такси.

Она кивнула Руфи, чтобы та продолжала.

– Я отошла от стоянки такси на автобусной станции и надела наушники для «Айпода», чтобы послушать музыку. Было очень холодно, так что я шла быстро и добралась до Хай-

стрит в Лае минут через пятнадцать. Там я зашла в «СПАР»¹⁰ и купила сэндвич, потому что после ланча ничего не ела.

Дыхание Руфи участилось, а глаза оставались совершенно неподвижными, пока она вспоминала то, что произошло дальше.

– Я шла, пытаюсь на ходу открыть этот дурацкий пластиковый контейнер. И ничего не слышала, вообще ни звука. Сначала я подумала, что в меня въехала машина, а потом поняла, что меня куда-то тащат за рюкзак. К тому моменту, как я поняла, что происходит, рот мне уже зажала громадная лапища. Мужчина был сзади меня, так что я никак не могла до него добраться. Я дергалась, но дотянуться была не в состоянии. Мне казалось, что меня волокут уже целую милю, но потом оказалось, что оттащили меня всего на пятьдесят ярдов в темноту кладбища на верхнем конце Хай-стрит.

Алекс заметила, что голос Руфи стал отстраненным и совершенно ровным, как будто она пересказывала историю, которая произошла с кем-то другим, а не с ней.

– Он запихал мне в рот какую-то тряпку и бросил меня на землю. Головой я ударилась о могильный камень, и по щеке у меня потекла кровь. В тот момент он рукой залез под меня, стараясь расстегнуть мои джинсы, а я думала только о текущей крови. Ее было так много... Тем временем он стянул мои джинсы до колен. Потом всем своим весом нажал на мою ногу. Я попыталась сесть, не обращая внимания на боль. Тогда он ударил меня в правую часть головы, а потом я услышала, как он расстегивает свою молнию и шуршит брюками, – Руфь глубоко вздохнула. – И только тогда поняла, что он собирается меня изнасиловать. Я попыталась кричать, но тряпка во рту глушила все звуки. Он сорвал с меня рюкзак и коленом раздвинул мои ноги. Потом улегся на меня и вошел сзади. От боли я задохнулась, а тряпка во рту продолжала глушить мои крики. Несколько раз я теряла сознание, а когда приходила в себя, то молила Бога о смерти.

По щекам Руфи потекли слезы.

– Продолжайте.

– Казалось, что это продолжалось бесконечно, а потом он кончил. Тогда он быстро встал, застегнулся, наклонился ко мне и прошептал на ухо: «Надеюсь, что тебе понравилось, детка!» Потом ударил меня по голове еще раз и исчез. Я опять потеряла сознание и пришла в себя, только когда меня грузили в машину «Скорой помощи».

Алекс потянулась через стол и крепко сжала руку Руфи. Дрожащая рука девушки казалась ледяной. Слушала Алекс не очень внимательно. Надо было двигаться дальше.

– И сколько времени вы провели в больнице?

– Почти две недели. Сначала зажили раны на голове – я поняла, что они очень сильно кровоточат... Но держали меня там из-за другого.

Руфь чувствовала себя неудобно, говоря о другой ране, но Алекс было необходимо, чтобы она вновь почувствовала всю свою боль и унижение.

– Напомните, сколько вам наложили швов?

– Одиннадцать, – девушка моргнула.

Алекс увидела, как ее челюсти сжались, когда она вспомнила весь ужас своего личного ада.

– Руфь, я даже не в состоянии понять до конца, через что вам пришлось пройти, и мне очень жаль, что я вынуждена заставлять вас вспоминать это еще раз, но это совершенно необходимо для вашего дальнейшего излечения!

Кивнув, Руфь посмотрела на женщину глазами, полными безграничного доверия.

– Тогда скажите мне своими словами, чего этот монстр вас лишил?

– Легкости бытия, – ответила Руфь, подумав секунду.

¹⁰ Сеть английских супермаркетов.

– Продолжайте.

– Из моей жизни исчез свет. Мне сейчас кажется, что до той ночи меня окружал свет. Весь мир купался в свете – даже мрачные дождливые дни были светлыми. А сейчас у меня такое впечатление, что на мои глаза надели темные фильтры. Летние дни больше не такие яркие, как раньше, шутки не такие смешные, а все мои действия, мне кажется, заранее спланированы кем-то. Мое мнение об окружающем меня мире и о людях, которые в нем живут, – даже о тех, которых я люблю, – сильно изменилось.

– А что вызвало попытку самоубийства?

Руфь поменяла положение ног.

– Когда я вновь его увидела, то первым делом испытала сильнейший шок. Я никак не могла поверить, что он освободился так быстро, что правосудие меня так легко предало. Но было и еще кое-что, – Руфь говорила так, как будто начала понимать нечто, о чем раньше не задумывалась. – Это было понимание того, что я никогда не освобожусь от той ярости, которую испытываю по отношению к нему. У меня по жилам течет одна только ярость – и это меня убивает. И я поняла, что он вечно будет держать меня за горло и я ничего не могу с этим поделать. Все это может закончиться только со смертью одного из нас!

– Но почему умереть должны вы, а не он?

– Потому что отвечать я могу только за себя, – ответила Руфь, подумав.

Алекс несколько минут молча смотрела на нее, а потом закрыла свой блокнот и отложила его в сторону.

– Возможно, вы ошибаетесь. – Ее голос звучал задумчиво, как будто эта мысль только что пришла ей в голову, хотя именно к данной мысли она и стремилась подвести Руфь на протяжении всего их разговора. – Вы готовы поучаствовать вместе со мной в небольшом эксперименте?

Видно было, что девушка колеблется.

– Вы мне верите?

– Ну конечно!

– Я хочу попробовать кое-что такое, что, на мой взгляд, может помочь. Надеюсь, что мы сможем вернуть свет в вашу жизнь.

– Правда? – явно оживляясь, спросила Руфь, надеясь на чудо.

– Именно так. – Алекс наклонилась вперед и поставила локти себе на колени. – Но прежде чем мы начнем, я хочу, чтобы вы твердо поняли, что это только визуализация и чисто символическое упражнение.

Руфь согласно кивнула.

– Хорошо, тогда смотрите прямо перед собой, и мы отправимся с вами в путешествие. Представьте себе, что вы находитесь перед пабом, в котором сидит он, но вы совсем не жертва. Вы сильны, спокойны и уверены в своей правоте. Вы не боитесь того момента, когда он выйдет из паба, – наоборот, вы ждете его. Вы долго ждали такую возможность. Вы не прячетесь в тени, и вы совсем не испуганы.

Спина Руфи выпрямилась, и она слегка выдвинула вперед челюсть.

– Он выходит из паба, и вы идете в нескольких метрах позади него. Вы никому не угрожаете – просто одинокая женщина, которая идет за взрослым мужчиной и ничего не боится. Руфь, вы сжимаете нож в кармане своего пальто. Вы абсолютно уверены в себе и контролируете все свои действия.

Алекс увидела, как глаза Руфь уставились на нож для писем и замерли на нем. Превосходно.

– В конце улицы он сворачивает на аллею. Вы дожидаетесь идеального момента, когда вокруг вас никого нет, и ускоряете шаг. Подойдя к нему на расстояние нескольких ярдов,

вы говорите: «Прошу прощения...» Он удивленно оборачивается, а вы спрашиваете у него, который сейчас час.

Дыхание Руфи стало прерывистым, когда она подумала о том, что столкнется лицом к лицу со своим обидчиком, пусть даже и в ролевой игре, но она с трудом сглотнула и кивнула.

– И вот когда он поднимает к глазам руку с часами, вы изо всех сил бьете его ножом в живот! Вы опять чувствуете его плоть на своей, но на этот раз это происходит на ваших условиях. В шоке он опускает глаза, а вы делаете шаг назад. Он смотрит вам в лицо, и в его глазах появляется узнавание. Наконец он полностью понимает, кто вы такая. И, падая на землю, он вспоминает ту ночь. Кровь заливает его рубашку и землю вокруг. Вы отходите еще дальше и наблюдаете, как кровь вытекает из его тела, а вместе с нею вытекает та власть, которую он имел над вами. Вы видите, как она собирается в лужицу, и понимаете, что он над вами больше не властен! Наклонившись, вы берете в руки нож. Теперь вы сама хозяйка своей судьбы, вы полностью владеете собой, и к вам возвращается ваша *легкость бытия*.

Кожа на лице Руфи обвисла. Алекс подавила в себе желание предложить ей сигарету.

Заговорила она только через несколько минут.

– С вами всё в порядке?

Руфь кивнула и оторвала глаза от ножа на крышке стола.

– Вам лучше?

– Как ни странно, да.

– Это просто символическое упражнение, которое позволяет вам визуализировать, как вы берете свое самообладание в свои руки.

– Странное ощущение, как будто меня морально очистили, – призналась девушка с суховатой улыбкой. – Благодарю вас.

– Думаю, что на сегодня достаточно. – Алекс похлопала ее по руке. – Через неделю в это же время?

Руфь кивнула, еще раз поблагодарила женщину и ушла.

Алекс закрыла за ней дверь и вслух рассмеялась.

Глава 5

Ким влетела в участок с головой, идущей кругом после телефонного звонка. Ее мучили подозрения, но Стоун надеялась, что на этот раз она ошибается. Не может же человек быть таким идиотом. В Управлении полиции Восточного Мидленда, второй по величине после полиции Метрополии¹¹, работали одиннадцать тысяч сотрудников. Управление отвечало за обеспечение порядка на территории Бирмингема, Ковентри, Вулверхэмптона и всей Черной Страны. Хейлсовен, один из десяти полицейских участков, относился к территориальному управлению Дадли, которым командовал старший суперинтендант¹² Янг.

Хейлсовен был не самым крупным из участков, но Ким любила его больше всех остальных.

– Что, черт побери, здесь произошло? – спросила она у сержанта в следственном изоляторе. Тот мгновенно побагровел.

– Да все этот Данн... С ним случилось маленькое... несчастье.

И на этот раз она не ошиблась в своих подозрениях. Такие идиоты действительно *существовали*.

– А что значит «маленькое»?

– Сломанный нос.

– Боже святой, Фрэнк, прошу тебя, скажи, что ты хочешь проверить мое чувство юмора!

– Конечно нет, мэм.

– Кто? – спросила Ким, выругавшись почти беззвучно.

– Два констебля – Уайли и Дженкс.

Стоун знала обоих. Они находились на прямо противоположных концах служебной карьеры. Уайли служил в полиции уже тридцать два года, а Дженкс только три.

– И где они?

– В раздевалке, мэ...

– Еще раз назовешь меня «мэм», Фрэнк, и клянусь, я...

Ким не договорила и, выйдя из комнаты, повернула налево. Навстречу ей шли два ПОПа¹³. Увидев выражение лица Стоун, они расступились перед ней, как воды Красного моря перед племенем Израилевым.

Без стука она влетела в мужскую раздевалку и пошла вдоль шкафов, напоминающих лабиринт, в поисках своей цели.

Уайли стоял около открытого шкафа, засунув руки в карманы. Дженкс, обхватив голову руками, сидел на скамейке.

– О чем вы двое только думали, черт бы вас побрал?! – крикнула Ким.

Прежде чем посмотреть на нее, Дженкс посмотрел на Уайли. Тот пожал плечами и отвернулся. Юнец был предоставлен самому себе.

– Мне очень жаль... Я просто не смог... У меня дочь... Я просто...

– То же самое ощущала половина ребят, которые не смыкая глаз работали над тем, чтобы поймать этого подонка. – Ким всем корпусом повернулась в сторону Дженкса. Она

¹¹ Полиция Большого Лондона – обеспечивает порядок на всей территории Большого Лондона за исключением района Сити. Отвечает также за антитеррористическую деятельность по всей стране и занимается охраной Королевской семьи и членов Правительства.

¹² Один из чинов старшего офицерского состава в английской полиции.

¹³ Полицейский общественной поддержки; вспомогательный персонал, выполняющий ограниченные полицейские функции.

сделала несколько шагов и наклонилась вперед, приблизив свое лицо к лицу парня. – Ты хоть представляешь себе, что наделал и какое дело поставил под угрозу? – Ее слова были похожи на плевки.

Дженкс опять взглянул на Уайли, который выглядел расстроенным, но явно не хотел встречаться с ним глазами.

– Все произошло так быстро... Я даже... О боже...

– Надеюсь, что ты не промахнулся, потому что после того, как его умник-адвокат вытащит его из участка на основании жестоких действий полиции, это будет его единственным наказанием.

Дженкс опять обхватил голову руками.

– Да он просто упал, – раздался неуверенный голос Уайли.

– И сколько раз?

Констебль закрыл шкаф и стал смотреть в сторону.

У нее перед глазами появился образ Леонарда Данна, который с улыбкой машет им всем рукой, выходя из зала суда. Свободный, как ветер, чтобы вновь начать развращать невинных детишек.

Ким подумала о том времени, которое ее группа потратила на расследование. Никому не пришлось говорить о том, что о регулярных рабочих часах лучше не вспоминать. И даже Доусон по утрам первым появлялся за своим столом.

Как единой команде им приходилось работать над раскрытием разных преступлений: нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилования, убийства. И каждое из расследований кто-то из них принимал к сердцу ближе остальных. Но история этих двух девочек задела за живое всех и каждого.

Доусон сам был отцом крохотной девочки, которой каким-то образом удалось добиться его привязанности. У Брайанта была взрослая дочь-старшеклассница, а сама Ким... Что ж, пребывание в семи приемных семьях ни для кого не проходит бесследно. Они не забывали об этом случае ни на минуту, будучи на работе или вне ее. Когда они отдыхали, их сознание постоянно возвращалось к тому, что две малышки все еще находятся в ловушке у своего так называемого отца и что каждая минута, которую они проводят вне работы, только удлиняет мучения двух невинных душ. Так что мотивации у них хватало.

Стоун подумала о молодой учительнице, которая набралась смелости и рассказала о своих подозрениях официальным лицам. Она поставила на кон свою профессиональную репутацию и не побоялась возможных насмешек со стороны коллег.

И вот теперь вероятность того, что все это было напрасно, выворачивала внутренности Ким наружу.

Инспектор посмотрела на констеблей. Ни один из них не ответил на ее взгляд.

– Так что же, ни один из вас не может сказать ни слова в свою защиту? – Она сама услышала, что говорит сейчас точно как классная руководительница, которая ругает двух школьников за то, что те подложили ей жабу в стол.

Стоун хотела сказать еще что-то, но даже ей не хватило сил кричать на людей, предающихся столь малодушному отчаянию.

Ким бросила на них еще один испепеляющий взгляд, прежде чем повернуться и выйти из комнаты.

– Мэм, мэм, подождите секундочку!

Повернувшись, она увидела, как Уайли торопится за ней. Каждый из его седых волос и каждый дюйм его внушительного брюха были заработаны на службе Ее Величества. Стоун остановилась и сложила руки на груди.

– Я... Я хотел объяснить, – он кивнул в сторону раздевалки. – Он просто не смог взять себя в руки. Я хотел его остановить, но он двигался слишком быстро. Понимаете, мы к ним

уже заходили... Какое-то время назад. Там была семейная ссора, и теперь Дженкс не может себе простить... Ведь мы их видели сидящими, обнявшись, на диване... Этих девочек. Я пытался ему объяснить, что мы никак не могли этого знать... Или как-то остановить...

Ким хорошо понимала их разочарование. Но ведь, черт побери, они же его взяли!

– Что же теперь будет с Дженксом? Он хороший офицер.

– Хорошие офицеры не избивают подозреваемых, Уайли.

Хотя сама она тоже пару раз чуть не сорвалась. Часть ее страстно желала, чтобы в каждой комнате для судебных заседаний была специальная дверь, через которую педофилы попадали бы прямо в ад.

Уайли еще глубже засунул руки в карманы.

– Понимаете... Мне всего неделя осталась до отставки...

А-а-а, теперь все понятно. В действительности он просто хотел знать, как этот эпизод повлияет на судьбу его самого.

Ким вспомнила лицо Доусона, когда они спустились в этот подвал в доме Леонарда Данна, и первый же диск вогнал их всех в ступор. Вспомнила, как Брайант звонил своей жене, чтобы отменить поход в театр, потому что не мог бросить работу. Вспомнила всхлипывания Стейси и ее частые отлучки в туалет – ведь, как самый молодой член ее команды, блестящий юный детектив-констебль не имела права демонстрировать свои чувства остальным членам коллектива.

А теперь дело может просто не дойти до этого чертова суда...

Стоун покачала головой:

– Знаете, констебль, ваша судьба меня совершенно не интересует.

Глава 6

Полностью удовлетворенная результатами своей встречи с Руфью, Алекс остановилась перед стеной кабинета, на которой в рамках висели ее дипломы и сертификаты, так благотворно действовавшие на ее пациентов. Здесь был диплом бакалавра медицины, полученный на медицинском факультете Университетского колледжа Лондона; свидетельство члена Королевского колледжа психиатров и сертификат об окончании специального тренинга уровня ST-4. Эти документы напоминали ей о наиболее тяжелых годах учебы – тяжелых не из-за количества и сложности самих занятий, ее IQ¹⁴ в 131 балл позволил ей преодолеть эти трудности без всяких проблем. Самими тяжелыми для Александры были скука, сопровождавшая ее учебу, и необходимость постоянно держать себя в руках, чтобы ненароком не выставить своих руководителей и профессоров в глупом свете.

Так что пока ее самым большим достижением был титул доктора психиатрии, и это был единственный диплом на стене, который пациенты могли оценить по достоинству.

Алекс не испытывала никакой гордости за свои академические достижения. В душе она никогда не сомневалась, что достигнет своей цели. Сертификаты же были повешены на стену ради одной-единственной цели – вызвать доверие у пациента.

Закончив образование, Алекс приступила к выполнению второй части своего плана. Два года она потратила на создание своей профессиональной репутации: писала статьи и работала над разбором различных клинических случаев в рамках психиатрической науки, давно зашедшей в тупик, с тем чтобы заработать уважение коллег по цеху. Хотя мнение коллег для нее ничего и не значило – ее единственной мотивацией было создание профессиональной репутации, которая не будет поставлена под сомнение в будущем. Тогда, когда она будет готова приступить к выполнению основного плана. То есть сейчас.

Все годы подготовки своего плана доктор Торн была вынуждена сотрудничать с судебной системой, проводя оценку психического состояния множества «плохих парней», попавших в лапы закона. Отвратительная необходимость, но именно благодаря ей она столкнулась с Тимом, тинейджером, выросшим в распавшейся семье. Он был рассерженным на весь мир подлым индивидуалистом, но при этом достаточно искусным пироманом¹⁵. От ее оценки зависело, отправится он за решетку во взрослую тюрьму на долгие годы или всего лишь проведет несколько месяцев в психиатрической клинике.

Алекс всегда изобретательно использовала свои профессиональные навыки и поэтому установила с Тимом взаимовыгодные отношения. Он провел четыре месяца в психиатрическом отделении клиники Форрест-Хиллс, после чего сразу же поджег дом. В пожаре погибли два человека, а наследство, которое получила Алекс, позволило ей открыть частную психиатрическую практику. Теперь она могла выбирать и работать только с теми людьми, которые были для нее интересны. Спасибо вам, мамочка и папочка.

Последовавшее за этим самоубийство Тима позволило ей надежно спрятать все концы в воду.

Доктор Торн не потеряла в те годы ни одного дня. Каждый новый пациент был еще одним кирпичиком в здании лучшего понимания людей с нарушенной эмоциональной базой: их сильных сторон, их мотиваций и, самое главное, их слабостей!

Иногда ее желание начать исследования становилось непреодолимым, но время этого начала определялось двумя факторами. Первым была подготовка надежной страховки. Без-

¹⁴ Коэффициент интеллекта – количественная оценка уровня интеллекта человека. Среднее значение (норма) коэффициента определяется в 100 баллов.

¹⁵ Человек, страдающий пристрастием к огню и склонностью к поджогам.

укоризненная репутация, которую она создала себе, поставит под сомнение любые обвинения, которые могут быть ей предъявлены впоследствии.

Кроме того, она терпеливо ждала появления подходящих кандидатов. Для ее экспериментов были необходимы легко управляемые индивидуумы, с подсознательным желанием совершить противоправные деяния. Психика этих людей должна была быть неповрежденной, и в то же время в них должно было быть достаточно психической неуравновешенности на тот случай, если ей понадобится дополнительная страховка.

С самой первой встречи Алекс поняла, что Руфь идеально подходит для ее эксперимента. Она почувствовала достаточно безрассудства в девушке, которая мечтала вернуть себе нормальную жизнь. Бедняжка Руфь даже не представляла себе, насколько ей необходим этот катарсис. А Алекс знала точно – и этого было достаточно. Долгие месяцы терпеливого ожидания привели ее к этому моменту. К финалу.

Для эксперимента Алекс выбрала себе кандидата, чьи обвинения, даже если они появятся в будущем, будут отброшены. Она потратила достаточно времени, чтобы обеспечить успех эксперимента. На ее пути встречались и другие возможности, другие индивидуумы, которые боролись за привилегию стать избранными, но в конечном счете она выбрала Руфь.

Ее остальные пациенты были для нее практически ничем – простым средством зарабатывать деньги на существование. Им предоставлялась почетная возможность обеспечивать ее образ жизни, пока сама Алекс занималась своим главным делом.

Многие часы доктор Торн проводила, кивая, поддакивая и успокаивая своих пациентов за триста фунтов в час, – при этом про себя размышляла о том, *что* ей надо купить, или обдумывала очередной этап своего основного плана.

Кредит на «БМВ Z4»¹⁶ оплачивался за счет средств жены главного констебля¹⁷, которая страдала от kleptomanii, вызванной постоянными стрессами. Машина Алекс нравилась, поэтому шансы вылечиться в ближайшее время у женщины были минимальные.

Две тысячи фунтов ежемесячной аренды за трехэтажный особняк в викторианском стиле в Хэгли платил владелец сети бюро по торговле недвижимостью, сын которого страдал от мании преследования и посещал доктора Торн три раза в неделю. Несколько тщательно подобранных слов, небрежно произнесенных во время беседы, только усилили его страхи и обеспечили ему длительное и сложное выздоровление.

Алекс остановилась перед портретом, который висел на центральном месте над камином. Ей нравилось смотреть в глубину этих холодных, равнодушных глаз и размышлять о том, понял бы ее мужчина, изображенный на портрете.

Это был портрет маслом, написанный по ее заказу с крупнозернистой черно-белой фотографии единственного родственника Алекс, которым она гордилась.

Дядюшка Джек, как она любила его называть, был разъездным торговцем, которого в 70-х годах девятнадцатого столетия все знали как Палача. В отличие от Болтона, в котором жили Биллингтоны, и Хадерсфилда с его Пирпойнтами¹⁸, в Черной Стране не было семьи, которая выполняла бы столь отвратительные обязанности, а Дядюшка Джек наткнулся на этот бизнес совершенно случайно.

Он как раз сидел в Стаффордской тюрьме за то, что отказался материально поддерживать свою семью, когда туда прибыл Уильям Калкрафт, палач с самым большим стажем в стране, на счету которого было четыреста пятьдесят повешенных мужчин и женщин.

¹⁶ Марка дорогого спортивного автомобиля.

¹⁷ Главный констебль – должность начальника полиции города (за исключением Лондона) или графства.

¹⁸ Биллингтоны и Пирпойнты – семьи потомственных палачей в Великобритании. Последний из Пирпойнтов, умерший в 1992 г., собственноручно повесил по крайней мере 400 преступников.

В тот день Калкрафт прибыл для проведения двойной казни через повешение, так что ему нужен был добровольный помощник. Дядюшка Джек оказался единственным вызвавшимся. Калкрафт предпочитал использовать длинную веревку – что обеспечивало долгую и мучительную смерть, поэтому помощнику иногда приходилось виснуть на ногах жертвы, чтобы ускорить процесс.

Так Дядюшка Джек нашел свою судьбу и после этого стал путешествовать по всей стране, приводя приговоры в исполнение.

Его портрет всегда придавал Алекс ощущение принадлежности и эмоционального родства с отдаленным членом ее семьи.

– Если б сейчас все было так же просто, как в твоё время, Дядюшка Джек, – улыбнулась она, глядя на его неподвижное лицо.

Доктор Торн устроилась за угловым столом. Наконец-то начиналась ее *magnum opus*¹⁹, путешествие в поисках ответов на вопросы, которые всегда ее интересовали.

Она глубоко вздохнула и достала из ящика писчую бумагу производства фирмы «Клэр-фонтен» и ручку «Монблан».

Для Алекс наступило время для восстановления физических и душевных сил.

«Милая Сара», – вывела она на бумаге.

¹⁹ Великая работа (лат.).

Глава 7

Руфь Уиллис стояла в тени входа в магазин, внимательно следя за парком. Холод, шедший от земли, сковывал ее ступни и леденил ноги. Вокруг стоял стойкий запах мочи. Бак для мусора, стоявший чуть в стороне, был забит под завязку; тротуар устилала пустые пакеты и сигаретные окурки.

Руфь прекрасно помнила упражнение по визуализации. Рядом с собой она ощущала незримое присутствие Алекс.

Вы не прячетесь в тени, и вы совсем не испуганы.

Она действительно не ощущает страха – только нервное возбуждение, которое в последний раз испытывала перед выпускными экзаменами. Тогда, когда она еще была нормальным человеком.

Вы не боитесь того момента, когда он выйдет из паба, – наоборот, ждете его.

А он так же чувствовал себя в тот день, когда забрал ее свет? Он тоже трясся от возбуждения, глядя, как она идет от супермаркета? Он тоже ощущал это *чувство правоты*, которое сейчас охватывает все ее существо?

Из нижних ворот парка появилась фигура и остановилась на перекрестке. Уличный фонарь осветил мужчину и собаку. В проезжающем потоке транспорта появилось окно, но мужчина подождал сигнала, прежде чем начал пересекать дорогу с двусторонним движением. Всё по правилам.

Вы совсем не жертва. Вы сильны, спокойны и уверены в своей правоте.

Когда он поравнялся с ней, мужчина остановился. Руфь замерла. В десяти футах от нее он наклонился и, прижав к земле поводок собаки своей левой ногой, завязал шнурок на правой туфле. Он был совсем рядом. Собака посмотрела в ее направлении. Она что, увидела ее? Этого Руфь не знала.

Вы абсолютно уверены в себе и контролируете все свои действия.

На какую-то долю секунды она приготовилась броситься вперед и воткнуть нож в его согнутую спину, с тем чтобы посмотреть, как он упадет лицом в землю, но сдержалась. Визуализация достигала своей кульминации в переулке. Она должна придерживаться плана. Только тогда она освободится. Только тогда к ней вернется ее свет.

Вы просто одинокая женщина, которая идет за взрослым мужчиной и ничего не боится.

Руфь вышла из тени и двинулась вслед за мужчиной, в нескольких шагах позади него. Из-за шума проезжающих машин ее шаги в кроссовках были почти неслышны.

Но в переулке они стали слышны гораздо лучше. Мужчина заметно напрягся, почувствовав, что за ним кто-то идет, но не обернулся. Он слегка замедлил шаги, в надежде, что его обгонят. Но Руфь не собиралась этого делать.

Вы сжимаете нож в кармане своего пальто.

Ее сердце забилося быстрее, и она ускорила шаги, когда они прошли половину переулочка, именно в том месте, которое она представляла себе во время упражнения по визуализации.

– Прощу прощения, – повторила она слова Алекс, удивившись спокойствию своего голоса.

При звуках женского голоса мужчина расслабился и повернулся к ней с улыбкой на лице. В этом была его большая ошибка.

– Не подскажите, сколько сейчас времени? – спросила Руфь.

Она открыто смотрела прямо ему в лицо. Он насиловал ее сзади, так что его лицо ничего для нее не значило. В прошлое ее перенес звук – он тяжело дышал после прогулки с собакой. Руфь помнила это дыхание, когда он разрывал ей внутренности.

Правой рукой мужчина оттянул эластичный манжет своей куртки.

– Где-то половина...

Нож легко вошел ему в живот и прошел через кожу, плоть и внутренние органы. Она надавила на лезвие, но нож уперся в кость. Руфь медленно повернула лезвие, превращая его внутренности в фарш. Рука ее чувствовала прикосновение к чужому животу.

Чувствуете его плоть на своей, но на этот раз это происходит на ваших условиях.

Руфь переполнило чувство победы, и она выдернула нож. То усилие, которое ей понадобилось, чтобы преодолеть сопротивление его тела, доставило ей удовольствие.

Вы видите, как кровь собирается в лужицу, и понимаете, что он над вами больше не властен.

Ноги мужчины подогнулись, и он зажал рану правой рукой. Кровь бежала сквозь его пальцы. Он прижал руку сильнее. В недоумении опустил глаза, потом поднял взгляд, посмотрел на Руфь и вновь опустил. Казалось, он никак не может соединить две вещи – ножевую рану и присутствие этой женщины.

К вам возвращается ваша легкость бытия.

Мужчина быстро заморгал – на какое-то мгновение его зрение прояснилось, и он замер.

К ней вернулись ее собственные ощущения. Руфь услышала звук проезжающего в конце переулка грузовика. От этого звука у нее почему-то загорелись уши. В желудке заурчало, когда тяжелый, какой-то металлический запах ударил ей в нос. Собака завывала, но не убежала.

К вам возвращается ваша легкость бытия.

Руфь еще раз воткнула нож. Второй удар не проник так глубоко, но его сила заставила мужчину упасть на спину. Раздался тошнотворный звук, когда его череп ударился об асфальт.

К вам возвращается ваша легкость бытия.

Что-то пошло не так. Она упустила какую-то важную деталь. Во время визуализации ее тело после удара ножом погружалось в мир и покой.

Руфь наклонилась над лежащим телом и еще раз воткнула в него нож. Мужчина застонал – тогда она ударила его еще раз.

– Вставай же, вставай, вставай! – кричала она, ударяя его по левой ноге. Но та была так же неподвижна, как и его тело.

К вам возвращается ваша легкость бытия.

– Вставай же, черт тебя подери...

Прицелившись, Руфь ударила мужчину ногой по ребрам. Кровь выплеснулась из его открытого рта. Глаза у него закатились, и он изогнулся, как некое странное млекопитающее. Собака бегала около его головы, очевидно не зная, что же ей делать дальше.

По щекам Руфи покатались слезы.

– Верни мне его, грязный ублюдок! Просто верни мне его, – приказала она.

Тело замерло, и в переулке повисла тишина.

Руфь выпрямилась во весь рост.

Она ждала, глядя, как под лежащим телом собирается кровь, как будто вылитая из банки с краской.

Ну и где же ее облегчение?

Где ее спасение?

Где, черт возьми, ее свет?!

Собака залаяла.

Руфь Уиллис повернулась и бросилась бежать изо всех сил.

Глава 8

Все начинается с тела, размышляла Ким, вылезая из «Гольфа GTI».

– Еще немножко и задавила бы, – сказал Брайант, показывая на офицера в форме, которому пришлось отпрыгнуть, чтобы избежать контакта с капотом ее машины.

– До него была еще целая миля.

Стоун поднырнула под полицейскую ленту и направилась в сторону группы отражающих свет курток, которые толпились вокруг белой палатки. Торнс-роуд, двустороннее шоссе, было частью основного пути от Лая до Дадли.

На одной стороне шоссе располагались парк и жилые дома, а на другой – спорткомплекс, школа и паб «Торнс».

Дневная температура в середине марта уже дошла до двузначных чисел, но по ночам она больше напоминала февральскую.

Пока Брайант предъявлял их полномочия, Ким, не обращая ни на кого внимания, направилась к телу. Темная водосточная канава шла вдоль одной из террас, которая поднималась прямо к Амблкоту, одному из самых престижных районов Брайерли-Хилл.

Слева от нее находился участок, заросший травой, сорняками и усыпанный собачьим дерьмом, по которому в обычное время ходили рабочие из близлежащего кузовного завода и который сейчас затаптывали сотрудники следственной бригады.

Войдя в белую палатку, Ким застонала.

Китс, ее любимый патологоанатом, стоял, склонившись над трупом.

– А-а-а, инспектор Стоун! Давненько не встречались, – произнес он, не глядя на Ким.

– Мы встречались на прошлой неделе, Китс, на вскрытии женщины-самоубийцы.

– Наверное, я заставил себя забыть об этом. – Китс взглянул на нее и покачал головой. –

Иногда люди поступают так с событиями, которые могут нанести им душевную травму. Так сказать, механизм самосохранения. Кстати, а как вас зовут?

– Брайант, скажи Китсу, что это не смешно.

– Командир, я не могу лгать человеку прямо в лицо.

Ким покачала головой и притворно улыбнулась.

Китс был небольшим человечком с лысой головой и торчащей бородой. Несколько месяцев назад неожиданно умерла его жена, с которой он прожил тридцать лет. Это расстроило его гораздо сильнее, чем он готов был признать.

Иногда Ким позволяла ему немного повеселиться на свой счет. Время от времени.

Она повернулась туда, где рядом с телом своего хозяина сидела на задних лапах бордер-колли²⁰.

– А почему собака все еще здесь?

– Она свидетель, шеф, – мгновенно среагировал Брайант.

– Брайант, я совсем не расположена...

– Пятна крови на ее меху, – добавил Китс.

Ким пригляделась и заметила несколько капель на передней ноге пса.

Она отключилась от всей деятельности, которая происходила вокруг нее, и сосредоточилась на самом главном – на трупе убитого. Перед ней лежал белый мужчина, сорока с небольшим лет, тучный, одетый в джинсы «Теско» и некогда белую футболку. Ее стирали так много раз, что теперь по цвету она напоминала сигаретный пепел. Футболка была вымазана

²⁰ Пастушья порода, выведенная в Великобритании. Согласно исследованиям, является самой умной собакой среди всех пород.

красным и в нескольких местах разрезана ножом. Было видно, что сразу после убийства из-под трупа вытекала кровь. Судя по всему, убитый упал на спину.

Новая куртка-«пилот» из кожи среднего качества явно не сходилась у него на животе. Мысли о том, чтобы застегнуть молнию, были не чем иным, как пустыми мечтами. Подарок на Рождество от кого-то, кто его любил и не хотел замечать его растущий живот. Может быть, от матери. Так что эта одежда никак не защитила его от ножевых ударов.

У него были длинные волосы, подернутые сединой. Лицо было чисто выбрито, и на нем все еще оставалось выражение удивления.

– Орудие убийства?

– Пока ничего, – ответил Китс, отворачиваясь.

Ким наклонилась вперед и взглянула на эксперта-фотографа. Тот кивнул, показывая, что уже сфотографировал труп во всех необходимых ракурсах. Теперь он был занят собакой.

Стоун осторожно приподняла пропитанную кровью футболку. Вся эта кровь вытекла из одной, особенно глубокой раны.

– Думаю, что первая рана оказалась смертельной, – добавил Китс. – И, предвзято твой вопрос, это был кухонный нож длиной пять-шесть дюймов.

– Он должен быть где-то рядом, – заметила Ким, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Почему ты так считаешь? Он может быть где угодно. Убийца мог забрать его с собой.

– Нападение вполне могло быть спланировано: темный переулок, поздняя ночь, – покачала головой Ким. – Но потом что-то произошло. И убийцу захлестнули эмоции. Первый удар оказался смертельным, но он наносит еще три «контрольных» удара.

Она продолжала смотреть на труп, физически ощущая ту ярость, которая сопровождала нападение, как будто эта ярость все еще оставалась в воздухе.

– Убивая, преступник был ослеплен яростью, – инспектор подняла глаза, – потом уровень адреналина понизился, и он... Что он сделал?

– Он увидел, что натворил, – сержант попытался продолжить ее логические рассуждения, – увидел нож у себя в руке и захотел поскорее избавиться от него.

– Убийство ножом – дело очень личное, Брайант. Я бы даже сказала, интимное.

– А может быть, это просто неудавшееся ограбление? Бумажника при нем не было.

Ким не обратила внимания на его последнюю фразу и легла на землю слева от трупа. Лежа на боку, выровняла свои ноги по его ступням. Холод сразу же пронзил ее до костей.

Китс посмотрел на нее и покачал головой.

– Учись, Брайант, – покой нам только снится!

– Китс, ты ничего не понимаешь...

Стоун не обратила на них никакого внимания. Она отвела руку назад и сделала колющее движение. Удар пришелся как раз в середину грудной кости. Тогда она попыталась совместить траекторию удара с раной, но в этом случае ей не хватало силы удара.

Ким немного подвинулась и повторила все еще раз. И опять промахнулась на дюйм или чуть больше.

Сдвинувшись еще чуть-чуть, она зажмурила глаза, чтобы не видеть любопытных взглядов вокруг себя. Ей было наплевать, что о ней могут подумать.

Сама же Ким думала о Дейзи Данн, которая стояла в центре заплеванного подвала. Она представила себе эту запуганную дрожащую малышку, одетую в костюм, который выбрал ее отец. И удар Ким нанесла со злостью. Со злостью человека, который действительно хочет убить. Потом она открыла глаза и увидела, что ее указательный палец попал точно в рану.

Стоун посмотрела вниз и увидела, что их ноги находятся не на одной линии. Ей пришлось спуститься на добрые четыре-пять дюймов, чтобы принять удобную и естественную позицию для удара, который попадал точно в рану.

Инспектор встала и отряхнула джинсы. Мысленно произведя необходимые вычисления, она заключила:

– Убийца должен быть не выше пяти футов и четырех или пяти дюймов.

Китс улыбнулся и погладил бороду.

– Знаешь, Брайант, если б все детективы...

– Что я еще должна знать? – спросила Ким, направляясь к выходу из палатки.

– Придется подождать, пока я осмотрю его в прозекторской, – ответил патологоанатом.

Ким задержалась на секунду, чтобы осмотреть всю сцену. Криминалисты обыскивали землю в поисках улик, констебли начали обход живущих неподалеку, чтобы взять у них свидетельские показания, а труповозка ждала, когда можно будет увезти тело. Больше инспектору здесь делать было нечего. Она узнала и увидела все, что ей было нужно. И теперь она должна сложить все фрагменты мозаики и понять, что же здесь произошло.

Не сказав больше ни слова, Стоун вышла из палатки и прошла мимо двух офицеров, которые охраняли вход в переулок.

Отойдя футов на десять, она услышала обрывки их разговора. Резко остановилась, и Брайант чуть не врезался ей в спину. Повернувшись, пошла назад.

– Что вы сказали, Джарвис?

Подойдя к сержанту, она засунула руки глубоко в карманы. Тому хватило ума покраснеть.

– Не могли бы вы повторить сказанное вами только что? Боюсь, Брайант вас не услышал.

– Я ничего не... – высокий тощий офицер покачал головой.

– Сержант Джарвис только что, – тут Ким повернулась к Брайанту, – назвал меня холоднокровной сукой.

– Черт...

– Я не говорю, что его оценка полностью не соответствует действительности, – продолжила Ким, обращаясь к Брайанту, – но мне бы хотелось, чтобы он пояснил свою мысль. – С этими словами она повернулась к Джарвису, который сделал шаг назад. – Прошу вас, продолжайте!

– Я не о вас го...

– Джарвис, я бы только больше вас заужала, если б вы нашли в себе мужество как-то аргументировать ваше заявление!

Сержант предпочел промолчать.

– А что, по-вашему, я должна была сделать? Разрыдаться над потерянной жизнью? Вы хотите, чтобы я оплакала его смерть? Произнесла молитву? Превознесла его достоинства? А может быть, будет лучше, если я сложу все улики и найду убийцу?

Стоун не отрывала взгляда от лица мужчины. Наконец он отвернулся.

– Прошу прощения, мэ. Я не должен был...

Ким была уже далеко и не слышала конца его извинений.

К тому моменту, как она подошла к оцеплению, Брайант уже был рядом с ней. Стоун поднырнула под ленту и вдруг остановилась.

– Кто-нибудь может проследить, чтобы о собаке позаботились? – обратилась она к ближайшему констеблю.

– Боже мой, шеф, я не перестаю удивляться, – расхохотался Брайант.

– А в чем дело?

– Нас окружают констебли, которые окончательно запутались в происходящем; новички, которые впервые видят место преступления; сержант, который почти сошел с ума, – а ты волнуешься о благополучии какой-то собаки!

– Для собаки все это случилось совершенно неожиданно. Все остальные знали, на что идут.

Брайант уселся в машину и дважды проверил ремень безопасности:

– Не расстраивайся, может быть, это совсем не неудавшаяся попытка ограбления.

Ким молча отъехала от места преступления.

– Я же вижу по твоему лицу, – продолжал напарник. – У тебя оно такое, как будто кто-то украл твою Барби и сварил ее.

– У меня никогда не было Барби, а если б была, то я сама бы с ней разобралась.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

Ким это знала, и он был единственным, кто мог сказать такое и остаться при этом невредимым.

Брайант достал из кармана пачку леденцов и предложил ей. Ким отказалась.

– Тебе надо как-то завязывать с этими штуками, – заметила она, когда машина наполнилась запахом ментола.

Брайант пристрастился к сильнейшим ментоловым противокашлевым леденцам после того, как бросил выкуривать по сорок сигарет в день.

– Знаешь, они помогают мне думать.

– Тогда принимай по две сразу.

В отличие от Брайанта, она уже знала, что никакая это не попытка ограбления, поэтому надо искать ответы на совсем другие вопросы: КТО, КОГДА, КАК и ПОЧЕМУ.

С КАК все было достаточно понятно – лезвием длиной пять-семь дюймов. КОГДА – будет понятно после вскрытия. Так что остаются КТО и ПОЧЕМУ.

И хотя ответ на вопрос ПОЧЕМУ был, наверное, самым главным при расследовании убийства, для Ким он никогда не был основной частью головоломки. Просто это был единственный вопрос, ответ на который невозможно найти с помощью научных методов. А найти ответ на этот вопрос было ее главной задачей, хотя понимание причин совершения преступления интересовало ее меньше всего. Стоун вспомнила одно из первых дел, которое она расследовала, будучи еще сержантом, – ребенок был сбит на пешеходном переходе машиной, за рулем которой сидела женщина с содержанием алкоголя в крови, в три раза превышающим допустимую норму. Семилетний мальчик медленно умер от ужасных внутренних травм, нанесенных ему кенгурятником джипа. Оказалось, что в тот день женщине сообщили, что у нее рак яичников и она полдня провела в баре. Эта информация не произвела на Ким никакого впечатления, потому что факт преступления от этого не изменился. Пила женщина по своему собственному выбору, и по своему выбору она села после этого за руль, а семилетний мальчик из-за этого умер. Понимание ПОЧЕМУ подразумевало чувство эмпатии, сопереживания или прощения, каким бы жестоким ни было преступление.

А из-за своего прошлого Ким Стоун не умела прощать.

Глава 9

В 1.30 ночи Ким прошла через общее помещение участка, в котором находились констебли, ПОПы и несколько гражданских сотрудников.

– Отлично, вы уже собрались!

Два детектива, входившие в ее команду, уже сидели за столами. Времени, чтобы восстановиться после дела Данна, почти совсем не было, но ее людей это не смущало.

В их комнате находились четыре письменных стола, стоявших попарно друг напротив друга. Каждый из столов был зеркальным отражением стоявшего напротив, с монитором компьютера и разномастными лотками для бумаг.

У трех столов были постоянные хозяева, а четвертый все еще пустовал после сокращений, которые прошли два года назад. Обычно Ким предпочитала сидеть за ним, а не в своем кабинете.

То место, на двери которого было написано ее имя, называли в просторечии «кутузка», и это был просто закуток в правом углу комнаты, отгороженный пластиковыми и стеклянными панелями.

– Доброе утро, командир, – весело поздоровалась детектив-констебль Вуд. Хотя она была наполовину англичанка, наполовину нигерийка, на столе Стейси стоял знак «Дадли – пуп Земли». У нее были короткие натуральные волосы, которые хорошо подходили к ее стилю, комплекции и мягким чертам лица.

В то же время детектив-сержант Доусон выглядел так, как будто его вытащили со свидания. Способность носить костюм у Доусона была врожденной. Так же как некоторые не могут стильно выглядеть даже в костюме от Армани, так и многочисленные костюмы Доусона не были дорогими, но носил он их с врожденным изяществом. А вот по галстукам и обуви сержанта легко можно было определить, что его занимает в данный конкретный момент. Ким взглянула на его ноги, когда Доусон подошел к кофеварке. Понятно, тусовался где-то всю ночь. И это всего через несколько месяцев после того, как его приняли в свои нежные объятия молодая невеста и только что родившаяся дочь...

Но это было не ее дело, и Стоун не стала заострять на этом свое внимание.

– Стейс, иди к доске.

Стейси вскочила и протянула руку за черным маркером.

– Личность пока неизвестна. При нем не было бумажника, так что придется удовлетвориться тем, что мы уже знаем: белый мужчина, около сорока пяти, с низким доходом. Четыре ножевые раны, из них самая первая была смертельной. – Ким замолчала, чтобы дать Стейси возможность все это записать. – Необходимо выяснить, чем он занимался вечером. Он что, был в баре, а потом у него отобрали бумажник или он просто вывел собаку на прогулку?.. Кев, поговори с патрульными, проверь водителей автобусов и таксистов, – Ким переключилась на Доусона. – Дорога там бойкая, так что кто-то что-то мог видеть. Собери показания свидетелей. Брайант, проверь списки пропавших лиц.

Стоун осмотрела комнату. Все зашевелились.

– А я пойду введу босса в курс дела!

Перепрыгивая через две ступеньки, она поднялась на третий этаж и вошла, не постучавшись.

Рост старшего инспектора Вудворда, или, как называли его за глаза, Вуди, который составлял пять футов и одиннадцать дюймов²¹, был замечен, даже когда он сидел. Его мощный торс был безукоризненно прям, и Ким еще ни разу не удавалось заметить даже намек

²¹ Около 178 см.

на морщинку на его накрахмаленных сорочках. Карибские предки Вудворда наградили его кожей, которая не позволяла дать ему его пятьдесят три года. Он начал свою карьеру простым констеблем на улицах Вулверхэмптона, и его восхождение по ступеням карьерной лестницы происходило в те годы, когда полиция еще не была столь политкорректна, как она пытается позиционировать себя сейчас.

Предметы его непреходящей страсти и гордости были выставлены в шкафу в виде выставки моделей автомашин производства компании «Мэтчбокс»²². Модели полицейских машин занимали место в самом центре.

Вудворд взял антистрессовый мяч в правую руку.

– Так на чем мы стоим?

– У нас мало что есть, сэр. Мы только начали намечать план расследования.

– Мне уже звонили газетчики. Вы должны им что-то подбросить.

– Сэр... – начала Ким, закатывая глаза.

– Хватит, Стоун. – Движения пальцев, сжимающих мяч, стали сильнее. – В восемь утра. Сделайте простое заявление: труп мужчины, ну и так далее...

Вудворд знал, что Ким ненавидит общаться с прессой, но периодически на этом настаивал. Все дело было в том, что они по-разному видели ее будущее. Дальнейшее повышение по службе все дальше уводило бы Стоун от реальной полицейской работы. Любое удлинение пищевой цепочки – и ее день будет заполнен нормами и правилами практического руководства, разработкой внутренних стандартов, попытками прикрыть задницу и проклятыми пресс-конференциями.

Она хотела было возразить, но легкое движение его головы остановило ее. Ким знала, когда следует сдаваться и благоразумно молчать.

– Что-нибудь еще, сэр?

Вуди отложил мяч и снял очки.

– Держите меня в курсе.

– Конечно, сэр. – Ким прикрыла за собой дверь. Разве она когда-нибудь не делала этого?

Когда Стоун вернулась в отдел, на лицах сотрудников застыла целая гамма чувств.

– У нас есть хорошие и плохие новости, – произнес Брайант, отвечая на ее взгляд.

– Ну так выкладывай!

– Мы точно установили личность убитого... И будь я проклят, если тебе это понравится!

²² Компания, производящая миниатюрные модели автомашин.

Глава 10

Алекс разбудили «Битлз», поющие в ее мобильном телефоне песню «Я неудачник». Это была ее тайная шутка, чтобы знать, когда ей звонят из Хардвик-хаус. Но это было совсем не смешно в три часа утра.

Несколько секунд она смотрела на экран телефона, стараясь собраться с силами и заткнуть Леннона к чертовой матери.

– Слушаю.

– Алекс, это Дэвид. Ты не могла бы приехать? – Его голос куда-то пропал, и она услышала, как он кричит кому-то, чтобы Шейна убрали в общую комнату. – Понимаешь, у нас произошла стычка между Шейном и Малкольмом. Ты можешь приехать?

– А что за... – В голосе Алекс появилась заинтересованность.

– Эрик, отведи Шейна и запри эту чертову дверь. – Голос у него был удрученный, а на заднем плане были слышны многочисленные крики. – Все объясню, когда приедешь.

– Уже еду.

Алекс быстро, но обдуманно влезла в обтягивающие джинсы, которые подчеркивали ее бедра и красиво обтягивали попу. Затем надела кашемировый джемпер, который слегка открывал ложбинку между грудей, когда она наклонялась вперед, – неоценимый наряд, если надо появиться в доме, полном мужиков!

Несколько быстрых движений пуховки с тоном, искусно наложенная помада – и вот уже из зеркала на нее смотрела женщина, а не тетка, которую только что вытащили из постели. По пути на улицу она захватила из ящика на кухне блокнот для записей.

Под звуки трехлитрового мотора, рычащего в тишине ночи, доктор Торн размышляла о своих перспективах в Хардвик-хаус. Их сотрудничество стало слишком односторонним, поэтому преимущества, которые давала ей эта работа, интересовали ее все меньше и меньше.

Алекс всегда очень тщательно выбирала учреждения, которые собиралась одарить своей помощью. После того как она внимательно изучила все местные благотворительные фонды, Торн поняла, что филантропы из Хардвик-хаус были единственными, кого она сможет переносить.

Алекс хотела посмотреть, нет ли среди их воспитанников кандидатов на участие в ее эксперименте, а когда таковых не нашлось, она разочаровалась и просто использовала несчастных для отработки своих навыков манипулирования людьми. А сейчас и это стало ей надоедать, подумала Алекс, подъезжая к зданию и выключая мотор. Она чувствовала, что скоро начнет постепенно отходить от этого заведения.

Дверь открыл Дэвид – единственный, кто хоть как-то ее интересовал. В тридцать семь лет его черные волосы подернулись сединой, которая выгодно подчеркивала черты его лица. Двигался он с изысканным безразличием человека, который и не подозревает, насколько может быть привлекателен для противоположного пола. Ради него Алекс, пожалуй, была готова нарушить свое правило спать только с женатыми мужчинами.

Доктор Торн мало что знала о его жизни до Хардвик-хаус – только то, что его колено сильно пострадало от спортивной травмы. Но она никогда не спрашивала его об этом, потому что ей было на это глубоко наплевать.

Алекс знала также, что он без усталости трудится на благо людей, отданных на его попечение, пытаясь найти для них работу, выбить какие-то льготы и обеспечить им хотя бы базовое образование. Для Дэвида они были заблудшими душами, которых надо спасать. Для Алекс – всего лишь объектами для тренировок.

– Что случилось?

Дэвид закрыл за нею дверь, и доктор Торн еще раз увидела, что, несмотря на все переделки и изменения, дом для престарелых давней постройки все еще был только приемной на пути к Господу.

Дверь в общую комнату была заперта и охранялась Барри, личностью, которую она рассматривала в качестве кандидата для своего эксперимента четыре месяца назад. К сожалению, прогрессировал он очень медленно. Они много раз говорили с ним о той обиде, которую нанесла ему жена, уйдя к его родному брату, но у него, к сожалению, не было того самого побудительного стимула, который заставил бы его действовать. Его ненависть не была достаточно глубокой и яростной, чтобы повлиять на его сознание в долгосрочной перспективе. А ее интересовало в первую очередь именно это. Так что – еще одно разочарование.

Доктор Торн обратила внимание на то, какими глазами он осмотрел ее, и задержала на нем взгляд чуть дольше, чем это требовалось, чтобы дать ему понять, что она это заметила.

– Там сейчас Шейн, – поспешно сказал Дэвид. – Малкольм на кухне. Приходится держать их подальше друг от друга. Короче говоря, Шейн сегодня не дошел до постели. Он заснул в кабинете перед телевизором. Малкольм услышал, что телевизор работает, и пришел, чтобы его выключить. Он легонько пошевелил Шейна, чтобы разбудить и отправить его в постель.

Дэвид остановился и провел рукой по волосам. Алекс уже знала, чем закончится его рассказ.

– Шейн действительно проснулся, а потом разделал Малкольма как бог черепаху. Сейчас Малк на кухне – у него ничего не сломано, но выглядит он ужасно. Требуется позвать полицию, а Шейн требует позвать тебя.

Алекс скорее почувствовала, чем услышала, как сзади к ней подошел ее «телохранитель», Дуги. Она засунула руку в сумку и выудила из нее блокнот для записей с каким-то психоделическим рисунком на обложке. У Дуги был сильный аутизм, и он редко говорил, но обожал блокноты для записей. Чтобы выглядеть перед ним получше, в каждое свое посещение она приносила ему новый блокнот. Дуги взял подарок, прижал его к груди и отступил на шаг.

Шести футов роста, он был очень неуклюжий. Семья отказалась от него, когда ему было двенадцать лет. Он умудрился как-то выжить на улицах города, пока на него не наткнулся Дэвид, в тот момент когда Дуги искал по мусорным ящикам остатки еды. Все свои дни он проводил, безостановочно двигаясь вдоль городских каналов Дадли. Дуги не был официальным резидентом фонда, так как никогда не сидел в тюрьме, но Дэвид решил, что он может оставаться в Хардвик-хаус до конца своих дней.

Алекс находила его отталкивающим, но тщательно скрывала это и терпела, когда он повсюду ходил за ней, как влюбленный щенок. Никогда не знаешь, когда подобное поклонение может понадобиться.

– Сначала я встречу с Шейном. Его надо успокоить.

Дэвид открыл дверь в кабинет. Шейн стоял на коленях в окружении двух резидентов и раскачивался из стороны в сторону.

– Спасибо, парни, – отпустила Торн надзирателей.

Дуги остался стоять в дверном проеме, повернувшись к ней спиной. По правилам заведения, ни одна женщина не могла оказаться один на один с резидентом в закрытой комнате. Дуги нужен был для того, чтобы проследить, чтобы им никто не помешал.

– Привет, Шейн, – сказала Алекс, усаживаясь напротив.

Тот не поднял на нее глаза, но крепко сжал расцарапанные руки.

Алекс хорошо знала историю Шейна, потому что приглядывалась к нему, как к возможному участнику эксперимента. Он был высоким, худым юношей, который выглядел моложе своих двадцати трех лет. Начиная с пятилетнего возраста его регулярно насиловал родной

дядя. Когда ему исполнилось тринадцать и он вырос на фут выше своего развратителя, то забил его до смерти голыми руками.

Обследование показало, что Шейн говорит правду о том, что касалось изнасилований, но его тем не менее отправили в тюрьму на восемь с половиной лет. Когда его выпустили, он узнал, что его родители переехали и забыли оставить новый адрес.

Торн раздумывала, как вести себя с Шейном. В действительности ей хотелось хорошенько встряхнуть этого парня и сказать ему, что он профукал настоящую взрослую игру, но она не хотела, чтобы он увидел ее раздражение. Поэтому она укрылась за ширмой притворного сострадания.

– Послушай, Шейн, это я, Алекс. Что здесь произошло?

Она постаралась не дотронуться до него. Шейн испытывал стойкое отвращение к любому физическому контакту.

Юноша ничего не ответил.

– Ты можешь мне все рассказать. Я друг.

Шейн покачал головой, и Алекс захотелось его ударить. Ей было достаточно того, что ее вытащили ни свет ни заря из теплой постели, чтобы она разобралась с целой группой неудачников, так что немые неудачники были уже явным перебором.

– Шейн, если ты не хочешь говорить со мной, то полиция...

– Кошмар, – прошептал он.

Торн наклонилась вперед.

– У тебя был кошмар и Малкольм разбудил тебя, а ты принял его за своего дядю?

Впервые за весь разговор Шейн поднял на нее глаза. Он был бледен, и по щекам у него катились слезы. Как же это все по-мужски, подумала Алекс.

– Поэтому, когда ты проснулся, то решил, что дядя пришел для того, чтобы изнасиловать тебя еще раз?

Она увидела, как он дернулся, услышав слово «изнасиловать». Это тебе за то, что из-за тебя меня вытащили из кровати!

Шейн кивнул.

– А свет горел?

– Да.

Как она и думала.

– Тогда уже после первого удара ты должен был понять, что это не твой дядя. Ты должен был увидеть, что это Малкольм. Почему же ты продолжал его избивать?

Ответ она уже знала, и теперь уже в ее интересах было, чтобы полиция не появилась. Шейн настолько глуп, что сразу же расколется и расскажет об их предыдущих разговорах и о том, как он запутался. А сейчас даже малейшее подозрение было для нее неприемлемо.

– Не знаю, – пожал плечами молодой человек. – Я просто вспомнил, что вы говорили о его племянницах.

Торн вспомнила их разговор двумя неделями раньше, когда она пыталась объяснить ему, что не все пожилые мужчины похожи на его дядю.

Тогда она очень тщательно подбирала слова и сейчас могла воспроизвести их вплоть до последней буквы: «Возьми, например, Малкольма – он абсолютно нормальный джентльмен. И нет никаких доказательств, что он что-то делает со своими племянницами. Ведь тогда бы администрация об этом знала».

Ее слова были специально подобраны, чтобы вызвать у него именно ту реакцию, которую она сейчас наблюдала, но тогда, когда ничего не случилось в течение двух дней после разговора, Алекс вычеркнула его из своего списка как недостаточно предсказуемого.

И хотя сейчас доктор Торн была в душе довольна тем, что он все-таки совершил то, чего она от него ждала, это ничего не меняло – она злилась, что это заняло у него столько времени. А у нее этого времени не было.

– Но если ты помнишь, Шейн, то я специально подчеркнула, что Малкольм *ничего* не сделал с этими девочками, чтобы показать тебе, что он совсем не похож на твоего дядю, и чтобы ты понял, что есть на свете и хорошие люди.

Слезы прекратились, и на лице Шейна появилось выражение недоумения.

– Но ведь вы же сказали... – Он не мог точно вспомнить ее слова. – Я все время представлял себе этих девочек и то, что он с ними сделал, и вы еще сказали, что администрация должна знать... – Он посмотрел на нее измученными глазами. – Но вот в моем случае она же ничего не знала?

Алекс отвернулась. Парень был жалок в этой своей неуверенности в себе.

– А потом вы вообще прекратили со мной разговаривать, – он выглядел одиноким и потерянным. И был прав – потому что она намеренно стала больше времени уделять Малкольму, чтобы вызвать у Шейна приступ жестокости, что и произошло, но слишком поздно, чтобы она могла это использовать.

– А ты знаешь, почему я прекратила с тобой разговаривать, Шейн? – мягко поинтересовалась доктор Торн. Тот покачал головой. – Потому что с тобой я только теряю свое время. Ты настолько испорчен, что никогда не будешь жить жизнью, хоть отдаленно напоминающей нормальную. У тебя нет никаких шансов. Твои кошмары никогда не прекратятся, поэтому в каждом лысеющем пожиллом джентльмене ты будешь видеть своего дядю. Ты никогда не освободишься ни от него, ни от того, что он с тобой сделал. И никто никогда не будет любить тебя, потому что ты заражен, и те пытки, которые ты переживаешь, останутся с тобой навсегда!

С его лица сошли все краски. Алекс наклонилась еще ближе к нему:

– И если ты еще раз позволишь себе меня побеспокоить, то я скажу в комиссии по УДО²³, что ты представляешь собой опасность для окружающих, и тебя вернут в тюрьму. – Доктор Торн встала и нависла над согнутой спиной юноши. – А ведь мы с тобой знаем, что в тюрьмах хватает пожилых мужчин, правда, Шейн?

Его голова упала на грудь, и он содрогнулся. Алекс приняла его молчание за согласие. Итак, с этим покончено. Навсегда.

Она проскользнула мимо Дуги и направилась на кухню. Большинство жителей теперь, когда шум закончился, разошлись по своим кроватям. Остались только Дэвид, Малкольм и Дуги, который ковылял где-то у нее за спиной.

Алекс ничего не могла с собой поделать – то, как Шейн разукрасил безобидную пухлую жертву, которая сейчас сидела на кухне, произвело на нее впечатление. Теперь в ее задачу входило хоть как-то приуменьшить размер разрушений – ей было не выгодно, чтобы в дело вмешалась полиция. Здесь была ее собственная поляна для игр.

– Боже мой, Малкольм, – произнесла Торн, усаживаясь рядом с ним. – Бедняжка...

Она подняла руку и нежно дотронулась до вспухшей кожи его щеки, которая уже начала синеть. Губа с правой стороны была рассечена и оттопыривалась в сторону. Алекс трудно было представить себе, как он будет выглядеть утром.

– Он чертов лунатик, и его надо держать взаперти!

²³ Комиссия по условно-досрочному освобождению. В Великобритании не существует системы, похожей на наши «поселения», так что после УДО преступники, особенно с психическими отклонениями, находятся под присмотром благотворительных организаций разного толка.

Алекс взглянула на Дэвида, хорошо понимая ситуацию, в которой тот оказался. В доме было совершено преступление, но он знал, что в тюрьме Шейн точно не выживет. Женщина незаметно кивнула, и Дэвид вышел якобы проверить Шейна.

– Послушай, Малкольм, у тебя есть все права, чтобы вызвать полицию. На тебя напали с особой жестокостью. Тебе просто иногда сложно понимать других резидентов.

Торн слегка нагнулась вперед, и взгляд Малкольма уперся именно туда, куда она и хотела. За всю свою жизнь Малкольм и мухи не обидел. Невероятно застенчивый и социально неадаптированный, он попался на удочку «женщины из Таиланда» на одном из интернет-сайтов, которая якобы влюбилась в него на расстоянии, находясь на тропическом острове. После того как все ее родственники, за лечение которых платил Малкольм, все-таки скончались от неизлечимых болезней, Малкольм понял, что он банкрот, и стал подворовывать у сталелитейной компании, в которой работал бухгалтером.

Отсидел он всего два года, и хотя у него никогда не было слишком многого, сейчас ему приходилось начинать буквально с нуля. В пятьдесят один год у него не было ни жены, ни детей, ни дома, ни профессии.

– Ты должен помнить, Малкольм, – голос Алекс стал медовым, и она наклонилась еще на пару дюймов, – что ты не похож на этих людей. Ты – образованный профессионал, которому есть что предложить на свободе. Тебя здорово избили, но не сломали навсегда. Эти жалкие люди достойны лишь твоего сожаления. У них никогда не будет и десятой доли твоего ума.

Алекс поменяла положение ног и как бы невзначай коснулась его коленкой.

– Но он должен ответить... – Голос его звучал совсем слабо, и доктор Торн знала, что теперь он у нее в кармане.

– А он и ответит. Думаю, что ты должен предпринять шаги, на которые имеешь полное право. Делай то, что считаешь нужным, но тебе надо понимать, что Шейна вернут назад в тюрьму, а оттуда он уже не выйдет. И я не хочу, чтобы ты мучился угрызениями совести потом, если сейчас начнешь действовать под влиянием момента. После того как звонок будет сделан, назад пути уже не будет!

Алекс глубоко вздохнула, при этом ее грудь поднялась и опустилась. Сейчас мужчина боролся с вбитыми ему в голову правилами поведения – именно из-за этого она не включила его в списки кандидатов на эксперимент.

– Можно я кое-что скажу тебе?

Малкольм кивнул, не отрывая глаз от ее декольте. Сейчас Алекс было не надо, чтобы Шейн продолжал оставаться в этом доме. Она больше не хотела видеть его жалостливую физиономию.

– Думаю, что для вас двоих будет невозможно продолжать жить здесь. Ты не должен постоянно бояться повторного нападения. Мне кажется, что тебе не стоит вызывать полицию – при условии, что Шейн уберется отсюда.

Малкольм наконец поднял на нее глаза. Боже, ну и зрелище!

– Но куда же он...

– Думаю, что после того, что он с тобой сделал, тебя это не должно волновать.

– Ну... наверное...

– Так что, я могу сказать Дэвиду о твоём решении?

Малкольм утвердительно кивнул. Как же все это просто!

Алекс протянула руку и слегка похлопала мужчину по колену. Старый идиот слегка зарделся. Этот бедняга никогда не испытывал оргазма в присутствии живого существа, которое находилось бы хотя бы в радиусе ста ярдов.

– Думаю, что ты поступаешь правильно, Малкольм. Отправляйся спать, а я все улажу с Дэвидом.

Доктор Торн перевела дух, когда Малкольм ушел и в комнате появился Дэвид.

– Ну и как?

– Что ж, пришлось изрядно повозиться, но он не будет звонить в полицию, – выдохнула Алекс.

На лице Дэвида появилось облегчение.

– Слава богу! Шейн очень сожалеет о том, что сделал. Он знает, что поступил нехорошо, а мы с тобой оба знаем, что возвращение в тюрьму его убьет. А он, в сущности, неплохой парень.

– Однако Малкольм поставил условие: он не звонит в полицию, но Шейн должен отсюда убраться.

Дэвид негромко выругался.

– Я знаю, что это сложно, и искренне пыталась повлиять на него, но он настаивает на своем. Думаю, что ты понимаешь его резоны. Иначе ему придется жить в состоянии вечного ужаса.

– Не понимаю, что нашло на Шейна, – покачал головой Дэвид.

– В этом-то вся проблема, – пожала плечами Алекс. – Нет никакой гарантии, что это не повторится. Ты не сможешь обеспечить безопасность Малкольма, если Шейн останется.

Дэвид опустил голову на руки.

– Ничего другого ты сделать не сможешь, – произнесла доктор Торн, дотрагиваясь до его руки.

Ее сводило с ума то, что единственным недостатком, который она видела в этом мужчине, была его способность сопереживать несчастным, находившимся под его опекой. Чуть больше безжалостности – и они составили бы идеальную пару.

Дэвид убрал руку.

– Послушай, ты же знаешь, что я сделала все, что могла, – рявкнула Алекс, разозленная его очевидным отказом. Он и не представлял, что это она так развела ситуацию, чтобы избежать вмешательства официальных лиц. Сама доктор Торн была уверена, что Шейна давно пора отправить назад в тюрьму, где его будут насиловать до конца его жизни. Конечно, у нее были свои интересы, но это она спасла ситуацию, а этот мужчина тем не менее отвергает ее!

– Я все знаю, Алекс, и очень тебе благодарен. Просто думаю, *что* могу сделать, чтобы помочь Шейну.

Алекс встала и протиснулась мимо него к буфету, из которого достала две чашки.

– А как дела у Барри? Я думала, что он уже должен был выйти на свободу, – спросила она для того, чтобы хоть что-то сказать. Последняя чашка кофе – и всем привет. Безразличие к ней Дэвида оказалось последней каплей. У нее есть другие способы проводить время.

– У бедняги был очень серьезный кризис, – покачал головой Дэвид. – Услышал от друга семьи, что его бывшая неделю назад вышла за его брата. А собственная дочь Барри была на свадьбе подружкой невесты. Это оказалось для него настоящей катастрофой – он даже разломал кое-какую мебель!

Алекс почувствовала, что вот-вот улыбнется. К счастью, она успела отвернуться, прежде чем улыбка тронула ее губы. Может быть, у нее все-таки есть причина задержаться здесь на какое-то время?

– Боже, какая жалость! Давай я сделаю нам кофе, и ты мне все расскажешь.

Глава 11

Ким уселась за свободный стол.

– Надеюсь, что вам удалось хоть немного поспать, потому что это удовольствие вам больше не грозит – до тех пор, пока мы не сдвинем расследование с мертвой точки.

Сама она почти не спала. Отключилась на короткое время, но проснулась ровно через два часа, увидев во сне Дейзи Данн. Стоун часто засыпала, думая о текущем расследовании, а уж первое, о чем она вспоминала, просыпаясь, был очередной подозреваемый. Но сон с Дейзи Данн здорово выбил ее из колеи: в нем она видела, как девочку уводили, а Дейзи изо всех сил сопротивлялась, не отводя от Ким глаз, в которых плескались отчаяние и мольба о спасении.

Ким отбросила это видение. Ее роль в расследовании была закончена, и сейчас они занимались уже следующим делом. Теперь она могла только надеяться, что, несмотря на дурь Дженкса и Уайли, дело все-таки дойдет до суда.

Инспектор вернулась к действительности как раз вовремя, чтобы услышать ворчание на другой стороне комнаты. Шло оно из угла Доусона.

Она встретилась с ним взглядом. Мужчина отвел глаза.

Ким никогда не придерживалась регулярного рабочего времени – определенные законодательством рабочие часы были для нее не более чем рекомендацией. И если надо было допросить свидетеля, то ее абсолютно не волновало, что до конца официального рабочего дня оставалось всего пять минут. Главное – это работа.

– Любой из вас, кто ожидает, что трупы будут появляться в удобное для него время, должен немедленно написать заявление о переводе в другой отдел. Есть желающие?

На этот раз промолчал даже Брайант. У него был нюх на то, когда лучше было промолчать.

– Итак, повторяю: наша жертва – Алан Харрис, мужчина сорока пяти лет, который мотал срок за изнасилование. Вышел месяцев восемнадцать назад, и после этого ни в чем предосудительном не замечен. Живет на пособие со старушкой матерью и с момента освобождения не проработал ни одного дня.

– Изнасилование было совершено с особой жестокостью, шеф, – напомнил Брайант.

– Я это помню, – Ким прочитала отчет и не нуждалась в уроке истории. Жуткие травмы, нанесенные жертве, вызывали у нее тошноту. Так что же, прикажете оплакивать еще одну заблудшую овцу? Да ни за что на свете! Или, может быть, она позволит своим личным ощущениям повлиять на то, как она будет расследовать это дело? Ответ отрицательный. – Послушайте, ребята. Он отмотал свой срок, хотя и минимальный, и после этого исчез с экранов радаров. Да, Алан Харрис далеко не Ганди, но жертвы выбираем не мы с вами. Это понятно?

– Да, шеф.

– Доусон, за тобой таксисты, водители автобусов, собачники и хозяин паба – у него надо узнать, не высказывал ли кто-нибудь слишком явно свою нелюбовь к убитому. Да, и захвати с собой Стейси – свежий воздух ей не помешает.

Стейси была прекрасным компьютерщиком и всегда оказывала поддержку группе, сидя за экраном компьютера. Пора бы ей начинать знакомиться с внешним миром. То, как расцвело лицо Стейси, показало Ким, что она решила правильно. Вуд и Доусон встали и направились к двери.

– М-м-м-м... командир, я хотел бы извиниться за выходку по поводу сна, – Доусон на мгновение задержался у двери.

– Если б я подумала, что ты это серьезно, то сейчас ты уже приближался бы к дому.

Он кивнул в знак того, что все понял, и вышел. Доусон был хорошим детективом, но Ким Стоун не интересовали просто «хорошие». Она руководила ими железной рукой, веря в то, что делает из них отличных офицеров. Работа полицейского – это не работа по расписанию, так что каждый, кто искал себе просто занятие, чтобы зарабатывать деньги, мог убраться в «Макдоналдс» и там метать покупателям гамбургеры в течение всей рабочей смены.

– А ведь мы с тобой отличная пара, – сказал Брайант, подождав, пока за ними закроется дверь. – Твой холодный ум – и моя теплота. Твой бесстрастный анализ ситуации – и мои привлекательные манеры... В общем, твой ум – и моя красота...

– Так пойдем же, красотка, нас ждет пресса, – проворчала Ким.

Пресс-конференцию Стоун не собирала. В этом не было необходимости. Журналисты сами стали собираться с четырех часов утра.

Она глубоко вздохнула и кивнула, прежде чем распахнуть двойные двери.

Журналисты и фотографы стояли, разбившись на небольшие группы. Она узнала несколько местных из «Экспресс энд стар» и независимых изданий. Здесь же были репортер и оператор из «Мидлендс тудей», службы новостей Би-би-си, которые говорили с кем-то по мобильным телефонам. Рядом с ними что-то писал корреспондент «Скай ньюс».

– Отлично, прошу всех подойти поближе, – громко произнесла Ким. Перед ней тут же появился частокол из микрофонов, а некоторые диктофоны почти уткнулись ей в лицо. Боже, как же она все это ненавидит...

Стоун кивнула лицам, полным ожидания.

– А сейчас я передаю слово детективу-сержанту Брайанту, который посвятит вас в некоторые детали.

С этими словами Ким отступила в сторону. Если Брайант и удивился этой выходке, то он вышел из нее с честью и немедленно передал свои соболезнования семье убитого.

Антистрессовому мячику Вуди сейчас наверняка достается по полной, подумала Ким.

– ...полиция Централных Графств сделает все возможное, чтобы преступник предстал перед судом. Благодарю вас за ваше время, джентльмены!

В сопровождении Брайанта Стоун направилась к машине.

– Спасибо за все, командир, – проворчал он, перекидывая журнал «Классические мотоциклы» на заднее сиденье.

– Ты вел себя как настоящий профессионал, Брайант.

– А ты знаешь, что Вуди тебя...

– Какой адрес?

– Остров в конце Торнс-роуд, но ехать надо по левой дороге на Каледонию.

– Благодарю, мой ТомТом²⁴.

– Для твоего сведения, командир, я знаю, что ночью ты домой не поехала.

Ким молчала.

– А единственные вещи, которые надолго задерживаются у тебя в кабинете, это смена одежды и туалетные принадлежности.

– Оценка «отлично» за дедукцию, Шерлок!

– А если принять во внимание, что твой километраж не изменился с того момента, как мы вчера припарковались около участка...

– Ты кто, чертов тахограф²⁵, что ли?

– Нет, я детектив. И я замечаю разные вещи.

– Тогда сосредоточься на расследовании и оставь меня, ради всего святого, в покое.

²⁴ Автомобильное навигационное устройство.

²⁵ Тахограф – контрольное устройство, устанавливаемое на борту автотранспортных средств; предназначено для регистрации скорости, пробега, режима труда, отдыха водителей и членов экипажа.

Естественно, он был прав, и это злило ее еще больше.

– Мне кажется, что тебе пора завести дома причину, которая заставит тебя возвращаться по ночам домой.

– Брайант... – В голосе Ким прозвучало предупреждение. Он действительно мог говорить ей больше, чем все остальные, но есть же какие-то рамки.

Они продолжали ехать в полном молчании, пока ее напарник не исторг тяжелый выдох.

– В чем дело, Брайант?

– Не знаю, насколько искренними будут наши соболезнования матери Харриса, когда мы до нее доберемся, – негромко произнес сержант.

– А к чему это ты? – нахмурилась Стоун.

– А разве это не очевидно? – Он не отрывал глаз от бокового окна.

– Для меня – нет.

– Если вспомнить, что он сделал с девочкой...

Ким так резко нажала на тормоз, что Брайант замолчал. Она съехала на стоянку и остановилась.

– Что ты делаешь?

– Теперь можешь говорить.

– В присутствии других я не стал ничего говорить, но моей дочери сейчас столько же лет, сколько было той девочке, когда он ее изнасиловал, – детектив все еще не смотрел на Ким.

– Это-то я понимаю, но, к сожалению, убивают не только добропорядочных граждан, а убийц кто-то должен искать.

– Но как же мы можем расследовать убийство этого дерьма с той же старательностью, как и остальные? – теперь Брайант смотрел прямо на нее.

Стоун совсем не нравилось направление, в котором шла их беседа.

– Это твоя работа, Брайант. И в твоём контракте нигде не говорится о том, что ты подписываешься защищать только тех людей, которых считаешь достойными твоей защиты. Мы стоим на страже закона, а закон применим ко всем гражданам страны.

– Но неужели, зная то, что ты знаешь, – он попытался поймать ее взгляд, – ты сможешь совершенно непредвзято вести это расследование?

– Конечно. И того же я жду от тебя, – Ким и глазом не моргнула.

Брайант прикусил губу.

Атмосфера в машине стала напряженнее. Стоун очень редко приходилось ставить Брайанта на место, и давалось ей это нелегко. Но их дружба это выдержит. Так она, по крайней мере, надеялась.

– Брайант, когда мы войдем в тот дом, я хочу видеть перед собой высококлассного профессионала. Если ты в себе не уверен, я предлагаю тебе подождать в машине. – Она понимала, что говорит резкие слова, но не имела права позволить его личному отношению к жертве влиять на результаты расследования.

– Конечно, – ответил он, не колеблясь ни минуты.

Оба они знали, что если Брайант нарушит ее инструкции, то Ким, не задумываясь, примет необходимые меры. И дружба здесь совершенно ни при чем.

Стоун включила скорость и тронула машину с места.

Ему хватило ума молчать, пока они не добрались до острова в самом конце Торнс-роуд. По обеим сторонам дороги стояли семейные дома, как показалось Ким, на две спальни каждый. К каждому вела подъездная дорога, по которой могла бы свободно проехать большая семейная машина.

Брайант сказал, что им нужен номер 23.

Дом располагался приблизительно в пятидесяти футах от конца того переулочка, в котором убили Харриса.

– Подумать только, еще каких-нибудь пятнадцать секунд – и он был бы дома, – заметил сержант, захлопывая дверь машины.

Палисадник перед домом, по-видимому, собирались замостить плиткой. Побегившие травы были грубо выдраны из земли, и она превратилась в поверхность с остатками растительности, перемежающейся проплешинами. Прямо посередине дома, который находился слегка влево от Ким, находилось закрытое крыльцо. Окна были плотно задрапированы тюлевыми занавесками, а у оконного стекла под самой крышей была трещина в левом нижнем углу.

Брайант трижды постучал в дверь костяшками пальцев. Открыла ее социальная работница, одетая в свитер и джинсы.

– Она очень слаба. Все никак не может прекратить плакать.

Стоун протиснулась мимо нее и вошла в гостиную. Из нее ступени вели на верхний этаж. Все поверхности имели на себе оранжево-коричневый узор, напоминающий воронку урагана, за исключением бежевого велюрового комплекта угловой мягкой мебели, который доминировал во всем помещении.

Собака, та самая, что еще совсем недавно сидела возле трупа, направилась к Ким, помахивая хвостом. На ее воротнике из белой шерсти все еще были видны коричневые капли засохшей крови ее хозяина.

Не обращая внимания на животное, Стоун прошла в глубь небольшого дома. В кухне, которая располагалась во всю ширину дома, сидела, удобно устроившись в кресле-качалке, пожилая женщина.

Ким представилась, и в этот момент рядом с ней возник Брайант. Он взял даму за руку.

– Миссис Харрис, я детектив-сержант Брайант, и прежде всего я хочу выразить вам свои соболезнования по поводу вашей потери... – Несколько секунд он держал худую кисть в своих руках, а потом осторожно положил ее на колени хозяйки.

Когда они устроились в плетеных креслах, Ким незаметно кивнула напарнику. Его профессионализм полностью скрывал те чувства, которые она видела на стоянке. Большого она от него требовать не могла.

Социальная работница приготовила чай, а собака устроилась рядом с Ким, навалившись на ее правую ногу. Стоун убрала ногу и сосредоточила все свое внимание на миссис Харрис. У нее были абсолютно седые волосы, в которых кое-где были заметны проплешины. Ким сразу же вспомнила о палисаднике.

У миссис Харрис было приятное лицо, сейчас искаженное следами напряженной работы ума и страданием. Ее тело было настолько изуродовано артритом, что, казалось, все ее кости были сначала переломаны, а потом сложены не в том порядке. Правой рукой она щипала кусок материи, который зажимала левой; крохотные обрывки ниток сформировали некоторое подобие сугроба у нее на коленях.

Старушка уставилась своими обведенными красным глазами на Брайанта. Когда она заговорила, комната наполнилась звуками сильнейшего акцента, характерного для Черной Страны.

– Он был плохим пареньком, детектив. А тюрьма его справила.

– Миссис Харрис, нас больше интересует то, что произошло с вашим сыном ночью, а не то, каким он был, – сказала Ким Стоун, отталкивая собаку.

Миссис Харрис не мигая уставилась на Ким. У нее были красные, но сухие глаза.

– То, чего он понаделал, было ужасно и отвратительно, так что этого мне не замолить. Он согласился со всеми обвинениями и не стал слишком много болтать. И не споря согласился с приговором. А вернулся он другим человеком, который сожалел о том, что сделал с этой бедняжкой. Ежели он мог бы все повернуть назад, то не сделал бы это...

Глаза женщины наполнились слезами, и она покачала головой. Страстная защита ее сына закончилась, и она осталась один на один с жестокой реальностью – сын был мертв.

– Мой паренек нигде не мог найти работу, – продолжила она дрожащим голосом. – Это было пятном на всю оставшуюся жизнь!

– Миссис Харрис, – произнесла Стоун, стараясь сохранить нейтральное выражение лица, – мы твердо намерены найти убийцу вашего сына. И его прошлое не имеет к этому никакого отношения.

Несколько минут миссис Харрис не отводила от Ким глаз.

– Я вам верю.

– Не могли бы вы рассказать нам, что произошло вчера вечером? – вступил в разговор Брайант.

– Он помог мне лечь около десяти вечера, – женщина промокнула щеки наполовину общипанным куском ткани. – Потом включил радио. Я привыкла засыпать под вечерние выпуски разных там ток-шоу. Потом он позвал Барни и вышел с ним на прогулку. По вечерам они всегда долго гуляют. Барни не очень-то жалуется других собак. Иногда Алан заглядывал в «Торнс» и выпивал там полпинты, прежде чем они направлялись в парк. Ешшо он покупал там пакет шкварок, и они съедали его на двоих с Барни.

– И когда он обычно возвращался?

– Обычно в половине двенадцатого. Я никогда не засыпала, пока он не возвращался в дом. Боже, боже, боже... Никак не верится, што он умер. И кто мог совершить такое? – задала она вопрос Брайанту.

– Боюсь, что этого мы пока не знаем. А вы не знаете, были ли у него какие-нибудь стычки с соседями?

– Соседи прекратили разговаривать с нами опосля того, как я приняла его после тюрьмы. Думаю, што ему вслед неслись разные гадости, кода он выходил днем. Однажды он пришел с синяком под глазом, но ничего об этом не говорил. Мы получили парочку непристойных писем и телефонных звонков с угрозами. А пару месяцев назад к нам в окно влетел кирпич.

Ким почувствовала жалость к этой одинокой женщине. Несмотря на то что сотворил ее сын, она приняла его и пыталась защитить.

– А письма у вас не сохранились? И телефонные номера вы не записывали?

Миссис Харрис покачала головой:

– Нет, детка, письма Алан выбросил, и мы сменили номер телефона.

– А после кирпича вы не обращались в полицию?

– Может быть, вы двое действительно хотите найти убийцу, но мне кажется, што кирпич, влетевший в окно бывшего насильника, никого не заинтересовал бы.

Стоун ничего не ответила – она знала, что миссис Харрис, скорее всего, права.

Никаких улик в угрозах и в том, как к нему относились окружающие, не было, так что Ким решила продолжить.

– Он всегда брал с собой бумажник? Знаете, на тот случай, если заскочит в паб?

– Нет. И он никогда не ходил в паб по пятницам и субботам – там слишком много народа. Так што его бумажник на столе в другой комнате.

– А ножа он для самообороны не носил? – поинтересовался Брайант.

– Мне он об этом ничё не говорил, – нахмурилась миссис Харрис.

Дальнейшие вопросы прервал стук в дверь. Констебль, присутствовавший при беседе, пошел открывать. Стоун лениво подумала, как эта слабая женщина будет со всем справляться, когда исчезнут ее помощники. Наверное, все как-то устроится и ей сохранят социального работника...

– Это из Синего Креста²⁶, – печально произнесла миссис Харрис.

Не успела она произнести эти слова, как собака вновь прижалась к ногам Ким. Женщина ничего не стала делать – было ясно, что от собаки можно избавиться, только дав ей хорошего пинка.

– Синий Крест? – переспросил Брайант.

– Это тот приют, в котором мы взяли Барни. Они пришли забрать его назад. Я не смогу за ним смотреть. Но это нечестно. – Ее глаза наполнились слезами. – Мой мальчик любил этого пса, любил думать, что дал ему еще один шанс...

Мужчина и женщина с логотипами центра на куртках вошли в комнату.

– Его поводок вон там. Тюфяк в гостиной, и не забудьте коричневого медвежонка. Это его любимая игрушка.

Дрожащее тело собаки прижималось к ногам Стоун. Женщину охватила печаль. Собаке не важны прошлые преступления ее хозяина – он был ее верным и надежным другом, а теперь его жизнь неожиданно оборвалась.

Мужчина собрал собачьи пожитки, а женщина взяла поводок.

– Прости, Барни, но я не смогу смотреть за тобой, приятель, – миссис Харрис наклонилась и в последний раз приласкала пса.

Она пристегнула ошейник и повела собаку на выход. В дверях Барни остановился и посмотрел на Ким печальным вопросительным взглядом.

Она молча наблюдала, как собаку уводят от всего того, что ей было знакомо. Сейчас пса вновь вернут на витрину, и он вновь будет ждать своего шанса. Стоун очень хорошо знала это чувство.

– Пошли, Брайант. Мне кажется, что мы узнали все, что хотели, – Ким резко поднялась со своего места.

²⁶ Синий Крест (иногда Голубой Крест) – британский благотворительный фонд по охране животных, основанный в 1897 г.

Глава 12

Александра Торн направлялась в сторону Крэдли-Хит, восхищаясь своей собственной способностью к адаптации. В деле, которым она занималась, разочарования были просто неизбежны. Шейн практически предал ее, но ей все-таки удалось превратить это небольшое поражение в свою победу, да еще так, что этого никто и не заметил.

Исследования Алекс всегда сопровождались какими-то потерями, но ей еще не приходилось сталкиваться с ущербом, который повлиял бы на конечный результат. Разочарования были частью ее деятельности, но находчивость всегда ее выручала.

Как, например, теперь. После событий предыдущей ночи посещение Хардвик-хаус с тем, чтобы убедиться, что там все в порядке, выглядело вполне уместно; ну а если удастся ко всему прочему поговорить с Барри, то день действительно будет прожит не зря.

Доктору Торн нужно было что-то, что отвлечло бы ее от мыслей о Руфи. Алекс была вынуждена смириться с тем, что она сможет узнать какие-то новости только во время их следующей встречи. Все газеты кричали о произошедшем, но полиция все равно не сможет сложить эту мозаику, особенно если Руфь слушала ее внимательно и избавилась от ножа.

День был солнечный, но ветреный. С шевелящихся ветвей деревьев ветер сдувал последние признаки зимы.

Проезжая через Крэдли-Хит, она остановилась возле супермаркета «Теско» и купила там недорогие пирожные и печенье. Стоило это не так дорого, а вот впечатление производило отменное.

Подъехав к Хардвик-хаус, Алекс заметила несколько новых машин. Уикенд – значит, к резидентам приехали посетители.

– А вот и кое-что к столу, – сказала Алекс, входя в кухню. Дэвид повернулся к ней, и она увидела, что в руках у него телефон и мужчина внимательно слушает говорящего. Разъединившись, он покачал головой.

– Всё в порядке?

– А что это ты так быстро вернулась?

– Так что, мне просто оставить эти вкусняшки и можно уматывать? – Вопрос прозвучал жеманно.

– Прости, я не это имел в виду.

– Просто хотела убедиться, что с Малкольмом и Шейном всё в порядке, – иногда Торн и сама удивлялась, насколько убедительно могли звучать ее слова. Эти два лузера ее совершенно не волновали, а вот Барри – совсем другое дело.

– Малкольм выглядит так, как будто продержался десять раундов против Тайсона²⁷, а потом на скользкой дороге его переехал грузовик, но настроение у него неплохое. Чувствует себя как настоящий мужчина, потому что не вызвал полицию. Сейчас его сестра в кабинете вместе с ним. Она мне уже плешь проела за то, что я допустил такое, но то, что Шейна уже нет здесь, ее немного успокоило.

– Уже нет? – удивилась Алекс. Она тоже была этому рада.

– Он исчез ночью. – Дэвид развел руками. – Утром я пришел к нему, чтобы поговорить, но его комната была пуста. Я послал ему несколько сообщений на телефон, но он, по-видимому, его отключил.

– Дэвид, поверь, мне очень жаль! Я знаю, как он тебе нравился.

– У бедняги нет никого в целом свете. Да и по жизни ему вечно не везло. Я действительно думал, что мы сможем ему помочь.

²⁷ Майк Тайсон (р. 1966) – знаменитый американский боксер, чемпион мира в супертяжелом весе в 1987–1990 гг.

– Он уже взрослый человек. Так что должен отвечать за свои решения. Может быть, ему просто было стыдно встречаться с Малкольмом и он решил, что так будет лучше. В конце концов, теперь тебе не придется уговаривать его уйти.

Глава 13

– Привет, Дуги, – произнесла доктор Торн, не поворачиваясь. – И тебе не надоедает все время таскаться за мной?

Аутист покачал головой и переступил с ноги на ногу. Алекс открыла было рот, чтобы сказать еще что-то, но передумала. Злиться на Дуги было совсем неинтересно. Она любила, когда у ее противников была в голове хоть одна извилина.

Алекс взяла блюдо с печеньем и прошла в кабинет.

Рэй, самый старый резидент, сидел на одном из диванов и мучился от молчания, повисшего между ним и его дочерью, которую он едва знал.

Рэй был живым воплощением того, о чем мечтал Джереми Хардвик, когда открывал этот дом. Когда Рэй сел в 1986 году, жесткий диск компьютера занимал помещение размером с комнату, мобильный телефон был размером с небольшой чемодан, а создателю «Фейсбука» было всего два года.

Торн подошла к ним с блюдом в руках. Лучше, конечно, было бы не тратить драгоценное время на подобные банальности, но внешний антураж всегда играл для нее важную роль. Сидевшие взяли по печенью и поблагодарили ее. Оба были рады, что Алекс нарушила их молчание.

Малкольм сидел в дальнем углу. Он имел глуповатый вид и был явно напуган присутствием своей строгой младшей сестры. Для привыкшей доминировать женщины Малкольм мог бы стать идеальным мужем. Он был просто создан для этого положения. Алекс одарила его одной из своих улыбок и скромно опустила глаза.

Она оглядывала комнату, когда за спиной у нее раздался голос:

– Э-э-э... простите меня, вы же доктор, не так ли?

Алекс с удивлением увидела, что на нее смотрит назойливая сестрица Малкольма. У нее было несчастное выражение лица, торчащие в разные стороны зубы и маленькие косые глазки.

– Меня зовут Александра Торн, и я...

– Так, значит, это вы та женщина, которая отговорила моего брата вызывать полицию?

Женщина выдвинула вперед рябой подбородок и уперла руки в бока. Алекс едва сдержалась, чтобы не рассмеяться. Разница в росте вызвала у нее желание наклониться и погладить женщину по голове. Как было бы здорово, если б ей не надо было проводить время с такими никчемными людьми...

– Вы не хотите объяснить мне, почему сделали это?

– Мне кажется, что я ничего никому...

– Вы только посмотрите на него, – женщина указала на Малкольма, который продолжал сидеть с выражением ужаса на лице. – Как же вы могли позволить этому негодяю сотворить такое, да еще и избежать наказания?!

– Не вызывать полицию было решением самого Малкольма.

Женщина фыркнула, как молоденькая девчонка.

– Ну конечно, так я и думала, – она окинула Алекс взглядом. – Это всё вы, с вашими шпильками и джинсами от Виктории Бэкхем, – он бы отдал на съедение своих племянниц, если б вы его об этом попросили!

Как по команде мимо них пронеслись две девочки, задев левое бедро Алекс. У нее даже появилось желание проверить правильность утверждения сестрицы.

Люди в комнате стали обращать на них внимание. Алекс дошла до точки кипения.

– Я не заставляла вашего брата делать что-либо, – произнесла она, понизив голос. – Он вполне взрослый мужчина и способен думать своей головой.

– Ага, я так и думала. Я вижу вас насквозь!

В этом Алекс сильно сомневалась, но тем не менее смиренно улыбнулась:

– И что же вы видите?

– Вы за ним охотитесь! Вот что я вижу.

Ну конечно, именно это, подумала доктор Торн, чуть не рассмеявшись в лицо женщине.

– Вы хотите полностью подмять его под себя с тем, чтобы он был вынужден на вас жениться, – капля слюны, вылетевшей изо рта говорившей, попала Алекс на щеку.

Это было уже слишком.

Мягко взяв женщину под руку, доктор Торн отвела ее в угол, не переставая улыбаться для приличия. Говорила она очень тихо.

– Послушай, глупая, невежественная сука: я действительно сделала так, что Малкольм не вызвал полицию, и за это ты мне должна быть, черт побери, благодарна. Шейн обвинял Малкольма во всех смертных грехах, включая и сексуальные домогательства по отношению к двум твоим маленьким идиоткам. Любой прибывший офицер был бы обязан проверить эти обвинения, что привело бы к болезненному и унижительному физическому обследованию двух этих милашек – не говоря уже о том, что их вполне могли у тебя забрать!

Алекс была вознаграждена тем, что рот женщины широко раскрылся и вся слюна в нем высохла.

– Поэтому советую тебе заткнуть свой маленький злобный роток и продолжать посещать своего брата, стараясь держаться подальше от того, что тебя не касается, – улыбка не сходила с губ Алекс.

В ответ женщина еле заметно кивнула.

Доктор Торн отвернулась и глубоко вздохнула. Теперь можно заняться истинной причиной ее визита.

Глава 14

Алекс обнаружила Барри в самом дальнем углу комнаты, где тот в одиночестве читал журнал. Она подошла к нему и протянула блюдо.

– Хочешь яблочный тёрновер²⁸?

– Это что, предложение или приказ?

– Думай сам. – Доктор Торн устроилась рядом с ним. – Как дела?

В ответ мужчина пожал плечами и вернулся к журналу. Его голова была только что выбрита, а тело казалось более мускулистым, чем она его помнила. Перед тем как попасть в тюрьму, Барри выступал на полупрофессиональном ринге – правда, на суде это ему совсем не помогло.

Алекс вытянула перед собой ноги и скрестила их в щиколотках. Она сдержанно покашляла, увидев, как девчонки подбежали к столу, схватили сладости и вновь убежали. Если бы она была здесь одна, то обязательно поставила бы им подножку, но сейчас ей пришлось поневоле сдержаться.

– Очаровательные детки, правда?

Барри даже не взглянул на девочек.

– Эй, ты меня слышишь?

– Да.

– Ты единственный человек в этой комнате в одиночестве, так что награждаю тебя призом своего утешения.

– Ага.

– Так не надо сдерживаться. Я же вижу, что ты весь горишь от волнения и просто не хочешь этого показывать!

Честное слово, эти мужики все такие ранимые... Сначала Шейну не понравилось, что она перестала с ним общаться, а теперь Барри пытался наказать ее за то же самое. Но это не важно. Он все равно будет ее.

– Пусть будет так.

Доктор Торн наклонила голову набок.

– Вижу, что ты сегодня не в настроении со мной общаться.

– Вот это да! – громко рассмеялся Барри. – Да вы сами не разговариваете со мной уже много месяцев!

– Я знаю, Барри, и мне очень жаль, – Алекс решила притвориться ангелом. – Все дело в том, что здесь есть люди, которым моя помощь нужна гораздо больше, чем тебе. Ты же, кажется, уже пережил самый тяжелый период.

Мужчина что-то проворчал, и доктор Торн с трудом сдержала улыбку. Она прекрасно знала, что до конца этого тяжелого периода ему еще очень далеко. Весь ее план был построен именно на этом знании.

– Да ладно тебе, – она слегка подтолкнула Барри локтем. – А я-то была уверена, что мы с тобой друзья... Так чего ж ты разозлился?

– Я уверен, что Дэвид успел вам все рассказать.

– Нет, – легко соврала Алекс. – Сейчас я здесь не как официальное лицо, так что он не делится со мной своими историями. Тут все зависит от самого человека...

Ей надо было услышать собственный рассказ Барри, чтобы понять, в чем кроются его слабые места. Дэвид сообщил ей факты, но Алекс необходимо было разобраться в эмоциональных триггерах. Она уже заметила, что Барри не мог смотреть на этих маленьких девочек

²⁸ Вид выпечки.

– они напоминали ему о том, что его собственная дочь теперь воспитывалась чужим человеком. Его собственным братом.

Барри тем временем устался на сладости.

– Ну хорошо, – продолжала давить доктор Торн, – покончим с этой односторонней беседой. Хочешь, задай мне вопрос – и я на него отвечу.

– Вы замужем? У вас есть дети? – Он посмотрел на нее с интересом.

– С мужем я разошлась, и у меня есть дочь, – ответила Алекс, глядя на девочек. Она опустила глаза. Это была хорошая сказка, которая приблизит его к ней. Ей нужно было это сходство людей, разлученных с ребенком.

– И где же детка? – слегка покашлял Барри.

– С отцом. Сегодня его уикенд. – Алекс отвернулась.

– Послушайте, мне очень жаль...

– Всё в порядке, – она отмахнулась от его извинений. – Расставаться всегда сложно, но мы пытаемся найти выход.

Отлично, подумала Торн. Теперь он ощущает вину за то, что причинил ей боль. Это поможет ему раскрыться.

Его историю она знала наизусть. Барри был боксером-любителем и обладателем молодой жены. Под ее давлением он ушел из спорта и занялся развозом товаров на автомобиле. Через какое-то время его жена забеременела, но через восемь месяцев зародыш у нее в животе перестал дышать. Так что родила она уже мертвого ребенка.

Барри мужественно пытался перенести свалившееся на него несчастье – и вернулся в спорт, чтобы каким-то образом облегчить свою боль. С каждым боем ему доставалось все сильнее и сильнее, но остановиться он не мог. Так что в то время, когда Барри надо было бы утешать жену, этим вместо него занимался его брат.

Когда он их застукал, Барри так избил брата, что того парализовало от поясницы и ниже. А через семь месяцев Лиза родила ребенка Барри. Девочку.

– А чем занимается ваш муж? – негромко спросил мужчина.

– Решил поставить все на карту, – Алекс посмотрела ему прямо в глаза.

– Завел интрижку?

Она кивнула.

– И вы ее знаете? – Барри покачал головой.

Доктор Торн подумала было о том, чтобы ввести в свой выдуманный сценарий лучшую подругу, но ей показалось, что это будет, пожалуй, уже злоупотребление его доверием.

– Да нет. Какая-то девица, с которой он познакомился в кафе. Бариста²⁹, или как они там называются. Она, наверное, кажется ему менее требовательной.

– Спорю, что вам это нравится.

– Восхитительно, – улыбнулась Алекс. – Ну и кто из нас двоих сейчас «мозгоправ»? У меня такое чувство, что в конце беседы ты вручишь мне счет за услуги.

– Ну да, на пару сотенных бумажек. – В голосе Барри прозвучал сарказм.

– В любом случае хватит обо мне. Расскажи мне, как ты живешь? – спросила доктор Торн, которой не терпелось возобновить эксперимент.

– Не так уж хорошо. Они поженились, – ответил он несчастным голосом.

– Барри, ради бога, прости меня. Я не знала...

– Вы здесь ни при чем, – отмахнулся он от ее извинений.

Алекс немного помолчала, чтобы он мог осознать слова, которые только что сказал. Теперь пора начинать.

– Она его любит? – спросила она нежным голосом.

²⁹ Специалист по приготовлению кофе.

Как она и хотела, этот вопрос вызвал у него боль. В глазах у мужчины мелькнула неуверенность.

– Не знаю. То есть, наверное... Она же вышла за него.

– А ты не думал, что Лиза вышла за него из-за чувства ответственности?

– А это имеет какое-то значение?

– Если б я все еще ее любила, то для меня – да, – мягко произнесла доктор Торн.

– Она все равно никогда не примет меня назад, – покачал головой Барри.

Несколько секунд Алекс молчала.

– Х-м-м-м... А вы с братом дрались, когда были детьми?

– Это первый профессиональный вопрос, который вы задали, – улыбнулся мужчина.

– Прошу прощения. Мне просто интересно, было ли это простым совпадением.

– Что именно? – нахмурился Барри.

– Подожди-ка, ты сам только что сказал, что я не могу быть «мозгоправом». Ты уж как-то реши для себя...

– Продолжайте.

– Иногда братья и сестры в детстве соревнуются между собой. Обычно – за любовь или признание родителей. Когда ребенок чувствует, что его брат или сестра умнее, привлекательнее или более любим, он вступает в соревнование, стараясь имитировать поведение более успешного родственника. Обычно такое соревнование исчезает само собой, когда дети вылетают из родительского гнезда, но иногда такая ревность сохраняется и в зрелом возрасте.

Алекс видела, что Барри серьезно задумался о сказанном. Еще бы! Каждый, у кого есть брат или сестра, может вспомнить о драках из-за игрушек, одежды или музыкальных дисков. И это абсолютно нормально.

Доктор Торн пожала плечами, как будто все это мало ее волновало.

– Понимаешь, все выглядит так, будто ты во всем винишь только себя и не знаешь, какая часть твоих терзаний тобою просто придумана. Поэтому повторю свой вопрос – она его любит?

– Я все-таки не понимаю, почему это так важно? Она никогда не сможет меня простить!

– Это действительно неважно, если ты уже сдался.

– Но что я...

– Ты сам говорил, что готов ей все простить, только бы восстановить семью. А откуда ты знаешь, что она не думает так же? Сейчас брат украл у тебя твою жизнь. Он забрал у тебя жену и стал отцом твоей дочери, а ты даже не знаешь, любит ли его твоя жена!

Почти готов. Ну и последний удар.

– Ты не должен ему завидовать. Сам подумай, как он живет? Он прикован к инвалидному креслу. Может быть, милосерднее было бы, чтобы он вообще не выжил... – Алекс помолчала. – Может быть, это было бы добрее по отношению к твоей жене.

Барри, не отрываясь, смотрел на нее. В глазах у него появились проблески новой надежды.

– Может быть, она обо всем жалеет и хочет, чтобы ты вернулся. – Доктор Торн пожала плечами и вздохнула: – Вернулся сильным мужчиной, которого она когда-то любила, и настоящим отцом ее дочери. Но в то же время никак не может забыть о своей обязанности ухаживать за твоим братом.

– Не знаю... – У Барри был смущенный и взволнованный вид.

– Знаешь, – сказала Алекс, слегка наклоняясь к нему и сгибая ноги, – я тоже сказала мужу, что никогда его не прощу. Но если завтра он появится у меня и будет искренне сожалеть о содеянном, я, наверное, дам ему еще один шанс. Я его люблю, скучаю по нему, и он, в конце концов, отец моего ребенка! Проще говоря – я хочу вернуть семью.

Барри несколько минут сидел молча, а потом встал.

– Пойду прогуляюсь. Мне необходимо проветриться.

Торн кивнула и улыбнулась, затем взяла с подноса печенье. Этот эксперимент похож на игру в волчок. Закручиваешь его как можно сильнее, а потом ставишь на пол, совершенно не зная, в какую сторону он двинется.

Глава 15

Ким отбросила последний отчет. Абсолютно ни черта – ни от водителей автобусов, ни от таксистов, ни от жителей. Мужчину убивают ножом посреди города, и никто ничего не видит и не слышит!

– Есть еще один отчет, – сказал Брайант, роясь в бумагах у себя на столе.

– Ну, конечно! Восемнадцатилетнему юнцу, абсолютно обдолбанному, показалось, что он видел кого-то сидящим на стене возле автобусной остановки в четверть двенадцатого ночи.

– Вот именно. А последний автобус прошел в...

– Это не назовешь прорывом, правда? Кто-то, сидящий на стене возле остановки...

– А может быть, это сделали подземные гномы? – вздохнул Брайант.

– Что ты сказал?

Сержант взял их кружки и отошел к кофеварке.

– У шахтеров есть рассказы о сказочных существах, которых они называют подземными гномами. Когда эти гномы сердятся, то прячут инструменты, свечи или неожиданно выскакивают из-под угольных пластов и всячески осложняют всем жизнь. Их никто никогда не видел, но никто не сомневается, что они живут в шахтах.

– Ты нам всем очень помог. Итак, теперь мы занимаемся поисками чертовой феи Дин-Динь³⁰.

– Вооруженной пятидюймовым кухонным ножом, если судить по ранениям, – добавил Доусон.

– Предварительные исследования показали, что смертельным был уже первый удар, который попал прямо в легкое.

Раздался телефонный звонок. Стоун не обратила на него внимания. Брайант снял трубку.

– И удар жертве был нанесен снизу вверх – или потому, что убийца знал, куда бить; или потому, что у них была значительная разница в росте. Остальные раны были нанесены то ли от ярости, то ли от разочарования.

– Шеф...

– В чем дело? – Ким повернулась к Брайанту.

– Нам везут возможное орудие убийства.

– И где его нашли? – спросила Стоун, а ее мозг был уже занят обработкой новой полученной информации.

– Заброшенный участок земли на Дадли-роуд. Там кто-то из местных пасет лошадей.

– На дороге, которая ведет...

– В Лай, – ответил Брайант. – И к дому Руфи Уиллис.

³⁰ Персонаж из сказки Дж. Барри «Питер Пэн», считается одной из самых известных сказочных фей. Рост – 13 см.

Глава 16

Стоун подождала, пока они с Брайантом не оказались одни в машине, прежде чем задать мучивший ее вопрос.

– Он что, опять начал, а?

Если б Ким считала, что ее напарнику нужны какие-то подробности, то назвала бы их.

– Ты что, заметила галстук прошлой ночью? – вздохнул Брайант.

– И ботинки тоже, – кивнула она. – Не говоря уже о поведении.

Когда Доусон обманывал свою невесту, в нем появлялось какое-то нахальство, которое их никогда не обманывало.

Брайант остановился на светофоре, который Ким наверняка попыталась бы проскочить.

– После последнего раза можно было подумать...

Больше ему не надо было ничего говорить. Буквально через пару месяцев после рождения их общей дочери невеста Доусона выяснила, что он изменял ей во время беременности. Она вышвырнула его из дома, и всей команде пришлось страдать, пока тот пытался вымолить прощение. В конце концов это ему удалось.

– Не знаю, – сказал Брайант, – по-моему, этот придурок не способен ценить то, что имеет.

И поэтому то теряет, то находит это, подумала Стоун, но промолчала. Частная жизнь Доусона была его личным делом, а вот его отношение к работе – нет.

Дом с террасой в двух улицах от места преступления был ничем не примечателен. Он находился в ряду одиннадцати таких же одинаковых домов, стоявших вдоль дороги. Палисадики перед ними не было, а каменная стела в самом центре этого ряда гласила о том, что дома были построены в 1910 году.

– Командир, ты действительно считаешь это хорошей идеей?

Ким понимала сомнения сержанта. Обычно так не делалось, но некое внутреннее чувство не давало ей покоя. У нее уже так бывало, и Стоун хорошо знала, что не успокоится, пока не удовлетворит свое любопытство.

– Ради бога, Брайант! Я вовсе не собираюсь войти в дом и немедленно арестовать ее. Просто хочу с ней поговорить.

Казалось, это его не успокоило. Они молча ждали, пока на их стук ответят – наконец дверь открыла женщина, одетая в синий спортивный костюм. На лице у нее было выражение вины, которая ее переполняла, и Ким сразу все поняла. Перед ней была Руфь, жертва насильника. А когда она встретилась с ней глазами, то сразу же поняла, что смотрит на Руфь-убийцу.

– Детектив-инспектор Стоун и детектив-сержант Брайант. Вы позволите нам войти?

Женщина на мгновение заколебалась, но потом отступила в сторону. Ким заметила, что она не потребовала ни их документов, ни каких-либо объяснений.

Вслед за Руфью Стоун прошла в гостиную. На стенах была расположена история всего детства Руфи: смесь профессиональных постановочных фотографий, где задником служила синяя материя, и любимых семейных фото, которые были увеличены и забраны в рамки. Других детей на фотографиях не было.

Телевизор был включен на канале «Скай ньюс». Ким знаком показала Брайанту, что сама хочет начать беседу. В ответ сержант взглядом посоветовал ей не перегибать палку. А Ким и не собиралась этого делать. В отличие от Брайанта, она уже знала, что поиски закончены.

– В чем дело, офицер? – спросила Руфь, уменьшая звук с помощью пульта.

Стоун подождала, пока их взгляды не встретились.

– Мы пришли, чтобы сообщить вам, что два дня назад недалеко отсюда, на Торнс-роуд, был убит мужчина.

Руфь попыталась не отводить взгляда, но ей это не удалось. Ее глаза, не останавливаясь, забегали между двумя полицейскими.

– Я что-то слышала по телевизору.

– Убитый оказался Аланом Харрисом.

– Ах, вот в чем дело...

Ким заметила, что Руфь старается сохранить невозмутимое выражение лица, так как не может найти правильного ответа. С каждой минутой шестое чувство Стоун беспокоило ее все меньше и меньше.

– Мужчину четыре раза ударили ножом. Смертельный удар прошел через...

– Я уже все поняла, но какое это имеет отношение ко мне?

Она попыталась говорить нормальным голосом, но от этого тот задрожал еще сильнее.

– Мы и пришли сюда для того, чтобы выяснить это, мисс Уиллис.

Ким старалась сохранить на своем лице дружелюбное выражение. Поспешность нужна только при ловле блох.

Стоун села, и Руфь последовала ее примеру. Заметно напрягшиеся ладони женщина положила на колени.

– Мы знаем, что он сделал с вами, Руфь. Он изнасиловал и избил вас почти до смерти. Не буду притворяться, что знаю, как вы чувствуете себя после такого. Не могу себе даже представить весь этот страх, всю ярость и весь ваш ужас.

Руфь промолчала, но кровь стала быстро отливать от ее лица. Женщина использовала все силы, чтобы скрыть свои истинные эмоции, но язык тела выдавал ее.

– Когда вы узнали, что его выпустили?

– Несколько месяцев назад.

– А каким образом?

– Не помню, – пожала плечами Руфь.

– Вы живете всего в нескольких милях от его дома. Вам приходилось с ним встречаться?

– Честно говоря, я не помню.

– А что вы почувствовали, когда узнали, что он на свободе?

Ким заметила, что Руфь непроизвольно погладила шрам на запястье, который теперь все время напоминал ей о попытке самоубийства.

– Знаете, я над этим как-то не думала, – ответила она, отвернувшись к окну. – Я ведь мало чем могла на это повлиять.

– Вы считаете, что его наказание было справедливым? – продолжала давить на нее Стоун.

Глаза Руфь неожиданно вспыхнули от эмоций, и Ким поняла, что женщина могла бы многое сказать по этому поводу, но предпочитала молчать.

– Что вы почувствовали, когда он наконец получил то, что заслужил?

Руфь сжала челюсти, не решаясь заговорить. Ким чувствовала недовольство Брайанта, но все это были совсем не праздные вопросы. Она успела сформулировать их еще в машине и ожидала на них очень эмоциональной реакции.

Реакция невинного человека на подобное зондирование была бы мгновенной и совсем непричесанной. *«Этот мерзавец должен был сесть навечно!»* или *«Я чертовски рада, что он наконец-то сдох к чертовой матери!»* Глаза Руфи должны были гореть огнем, и она должна была быть полна эмоций – вместо этого молчаливого признания фактов и отказа говорить из-за неспособности просчитать правильную реакцию на вопросы полицейских.

– Я не очень понимаю, как это связано с убийством.

Голос женщины стал ломаться, и ее руки на коленях сжались.

– Прошу прощения, мисс Уиллис, но я вынуждена спросить вас, где вы были вечером пятницы между девятью и двенадцатью?

– Здесь. Я смотрела телевизор.

Стоун заметила, что голос женщины стал выше – эти слова она мысленно отрепетировала множество раз.

– А кто-нибудь может подтвердить, что вы не выходили из дома?

– Я... м-м-м, выскакивала в местное кафе около половины десятого.

Значит, кто-то из соседей видел ее в это время, и ей пришлось придумать историю с кафе, подумала Ким.

– И если мы поговорим с хозяином, то он подтвердит, что обслуживал вас около половины десятого? – уточнила Ким.

– Ну-у-у, я не знаю... – Было видно, что Руфь охватила паника. – Народу там было много. Он мог и не запомнить.

– Я уверена, что он вспомнит. – Стоун ободряюще улыбнулась собеседнице. – Ведь это ваше местное заведение – за это время вы бывали там несчетное количество раз. В конце концов, вы живете здесь всю жизнь.

– Все правильно, но хозяин в тот вечер не работал, а остальных я не очень хорошо знаю.

Руфь сама себя загнала в угол, и Ким с радостью последовала за ней.

– Никаких проблем! Просто опишите мне того, кто вас обслуживал, чтобы я была уверена, что говорю с тем, с кем надо.

Стоун видела, как силы покидают Руфь. Она ведь упомянула об алиби, которое не подтвердится, а любые изменения на этом этапе вызовут сильные подозрения. Невинным людям ни к чему придумывать себе алиби.

Ким встала, и Руфь подняла на нее взгляд. Лицо женщины было серого цвета, глаза – испуганными, а обессиленное тело напоминало истрепанную бурей палатку.

– У нас есть оружие убийства, Руфь, – негромко сказала Стоун. – Оно лежало там, где вы его оставили.

Женщина закрыла лицо руками. Ее тело сотрясало от рыданий. Ким повернулась к Брайанту, и их взгляды встретились. В них не было ни радости, ни триумфа.

– Руфь, то, что Алан Харрис сотворил с вами, было совершенно ужасно, но мне кажется, что вы должны знать, что он сожалел об этом, – сказала Ким, усаживаясь рядом с девушкой. – Мы все надеемся, что тюрьма может перевоспитать преступника, но не всегда верим в его окончательное исправление. Однако в данном случае все произошло именно так. Алан Харрис искренне сожалел о том, что когда-то сделал...

– Руфь Уиллис, я арестую вас... – начал Брайант.

– Мне не было страшно, – произнесла Руфь еле слышно, когда Ким уже собралась вставать. Услышав эти слова, инспектор вернулась на свое место. – Я нервничала, но не боялась, – повторила Руфь еще раз.

– Мисс Уиллис, все, что вы сейчас скажете, может быть... – попытался вставить Брайант.

– Оставь, – покачала головой Стоун. – Разве ты не видишь, что ей надо выговориться?

– Я следила, как он вышел из парка. Стояла на перекрестке. Я чувствовала свою силу и правоту. Пряталась в тени в подъезде магазина. Он наклонился, чтобы завязать шнурок. Собака посмотрела прямо на меня, но не залаяла, – она подняла к ним залитое слезами лицо. – Ну почему она не залаяла?!

Ким покачала головой.

– Я даже хотела воткнуть нож ему в спину прямо там, но это было бы неправильно. Мне нужен был мой свет.

Стоун взглянула на Брайанта, который в ответ лишь пожал плечами.

– Я была уверена в себе и полностью контролировала ситуацию. Пошла за ним и спросила, сколько сейчас времени.

– Руфь, мы должны...

– Я воткнула нож ему в живот. И опять ощутила его кожу на своей, но на этот раз на моих условиях! У него подогнулись ноги, и он зажал рану правой рукой. Кровь просачивалась сквозь пальцы. Он посмотрел вниз, а потом опять на меня. А я все ждала.

– Ждали? – переспросила Ким.

– Я выдернула нож и ударила его еще раз. И опять стала ждать.

Ким хотела спросить, чего же она ждала, но не решалась прервать это признание.

– А потом я ударила его еще раз и еще. И слышала, как его череп ударился об асфальт. Глаза у него стали закрываться, и я ударила его, но он не хотел возвращать...

– Что именно возвращать, Руфь? – мягко спросила Стоун.

– И тогда я захотела все повторить. Потому что что-то было не так! Она все еще была у него. Я кричала и требовала, чтобы он вернул, но он уже не шевелился.

– А что у него было такое, что принадлежало вам, Руфь?

– Моя *легкость бытия*. Он не вернул мне мой свет, – Руфь взглянула на Ким так, как будто это было совершенно очевидно.

Ее тело тотчас согнулось, и она захлебнулась рыданиями.

Стоун еще раз посмотрела на Брайанта, который в недоумении пожал плечами. Целую минуту инспектор сидела молча, а потом кивнула своему напарнику.

Брайант сделал шаг в сторону женщины, которая только что призналась в убийстве.

– Руфь Уиллис, я арестую вас по обвинению в убийстве Алана Харриса. Вы можете хранить молчание, но все, что вы сейчас...

Ким вышла из дома еще до того, как детектив-сержант закончил. Она не испытывала ни триумфа, ни гордости от очередной победы – только удовлетворение, что смогла поймать человека, совершившего преступление, и что ее работа закончена.

Жертва плюс преступник равняется раскрытому преступлению.

Глава 17

В гараж Ким зашла уже после двенадцати ночи. Тихая семейная улица, на которой она жила, уже заснула в предвкушении наступления новой рабочей недели – это было ее любимое время суток.

Стоун включила «Айпод» и выбрала ноктюрны Шопена. Фортепианное соло расслабит и поддержит в ранние утренние часы, пока ее тело не потребует сна.

Вуди тоже не улучшил ей настроение. После того как она отправила всех своих по домам, он подошел к ее столу с подарками: с сэндвичем и кофе.

– Что же мне не понравится на этот раз, сэр? – спросила Ким.

– КСУП³¹ хотела бы иметь более надежные доказательства по этому делу. Хотят подвести психологическую основу, чтобы какой-нибудь умник-защитник не смог потом говорить об ограничении ответственности³².

– Но...

– Все должно быть безукоризненно.

– Завтра я поручу это Брайанту и Доусону.

– Нет, я хочу, чтобы вы сами занялись этим, Стоун, – покачал головой Вуди.

– Но послушайте, сэр...

– И не надо спорить. Просто сделайте то, что вам приказано!

Ким громко и тяжело вздохнула, вложив в этот вздох все свое недовольство. Это ничего не изменило, но она хотела надеяться, что ее хотя бы услышали.

– А теперь, ради всего святого, отправляйся домой, – улыбнулся Вуди, – и займись тем, чем ты обычно занимаешься, когда ты не на работе.

Так она и сделала.

Усевшись на пол посреди разбросанных повсюду частей мотоцикла, Ким зарычала от отвращения.

Она ненавидела подчищать хвосты. Дело закрыто. Она поймала плохого парня (или девочку) в течение сорока восьми часов после совершения преступления. Были зафиксированы признательные показания, а теперь эти уродцы из КСУПа хотят, чтобы она на всякий случай подтерла им задницы!

Стоун скрестила ноги и оценивающе посмотрела на запчасти вокруг себя. Все детали мотоцикла были перед ней, и когда она их соберет, то на свет появится прекрасная классическая английская машина. Все, что ей осталось, так это понять, как их собрать.

Спустя час Ким все еще сидела перед той же горой запчастей. Ее шестое чувство отказывалось успокоиться.

Неожиданно ей в голову пришла мысль. Стоун встала и взялась за ботинки.

Может быть, бессонница вовсе не связана с ее последним делом?

³¹ Королевская служба уголовного преследования, осуществляющая уголовное преследование лиц, совершивших уголовное преступление.

³² Ситуация в суде, когда защита говорит о том, что преступник не может полностью отвечать за свои действия, так как в момент совершения преступления находился в состоянии аффекта и так далее.

Глава 18

Ким слезла с мотоцикла и открыла ворота, которые доходили ей до груди. Казалось, что все дома на улице имеют свой собственный замызганный подъезд и небольшую лужайку. Многие жители этого клочка муниципальной земли на границе с Недертоном воспользовались «правом на покупку»³³ и выкупили достаточно большие участки земли практически бесплатно. Семья Данн тоже купила один из таких участков.

На этот раз здесь стояла тишина и не было слышно ни топота тяжелых ботинок, ни треска разбиваемой кувалдой входной двери. Была только Ким и набор отмычек.

На этот раз она прошла по дому медленнее, чем при первом посещении. Никакой спешки уже не было. Дом тщательно обыскан, из него вынесено все, что могло бы сыграть роль в расследовании. В воздухе висело ощущение заброшенности, как будто жильцы были полностью стерты с картинки. Книжки и игрушки были свалены по углам. На кухне стояли готовые к использованию миски и коробка с хлопьями. Ведь, помимо разврата, в этом доме была и нормальная жизнь. И его жительницы временами были простыми маленькими девочками.

Ким не спеша дошла до деревянной двери перед ступеньками, которые вели вниз. Она удивилась, что все они описывали это место как подвал, когда оно таковым не было. Инспектор видела подвалы в домах некоторых из ее приемных семей, которые находились в Центральных Графствах. Эти дома в просторечье называли «сросшимися», и они стояли по двадцать домов в ряд. Их строили хозяева заводов или шахт во времена промышленной революции, и в каждом таком доме размещались по шесть семей. Так вот, подвалы там были крошечными каморками, в которые вела пара каменных ступеней, и предназначались они для хранения угля.

Этот же был совсем не таким. Дом специально перестроили, чтобы создать подобный подземный этаж.

Многие мужчины мечтают о собственной берлоге, которую они могли бы назвать своим домом. О какой-нибудь беседке или отдельной комнате в доме, где они могли бы собирать модели или играть в компьютерные игры. А вот Леонарду Данну такая берлога нужна была для того, чтобы развращать своих дочерей. И то, что он кучу времени потратил на то, чтобы сделать эту берлогу удобной именно для разврата, добавляло к его порочности нечто такое, что Ким едва сдерживала рвоту.

Сейчас место было почти пустым и выглядело вполне безвредным после того, как все улики были вывезены. Но Стоун видела все таким, каким оно было во время утреннего рейда. Гимнастический мат, лампа, цифровая видеокамера. Более того, акты разврата, которые здесь происходили, насквозь и навечно пропитали пол, потолок и стены помещения.

³³ Схема в Великобритании, по которой постоянным жителям муниципального образования позволяет выкупать муниципальное жилье, в котором они живут, в собственность с очень большими скидками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.